

Екатерина Риз

**Мы играем
в пистолеты**

*Серия «Город»
Книга 2*

Екатерина Риз

**Мы играем в пистолеты.
Серия «Город». Книга 2**

«Издательские решения»

Риз Е.

Мы играем в пистолеты. Серия «Город». Книга 2 / Е. Риз —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853102-6

Кирилл Филин — владелец ресторана, имеющего в городе дурную славу. При этом загадочный, привлекательный и опасный. Не мужчина, а мечта. Для любительниц приключений. Но Вероника такой никогда не была. И уж точно влюбляться в подобного типа не собиралась. Ведь у неё спокойная, налаженная жизнь, муж-милиционер, хорошая работа, и, вообще, она не любит перемены. Но как устоять, если тебя откровенно соблазняют? Даже понимая, что тебе врут...Экранизировано в 2011 году.

ISBN 978-5-44-853102-6

© Риз Е.

© Издательские решения

Мы играем в пистолеты

Серия «Город». Книга 2

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4485-3102-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Её звали Лазурицкая Фаина Александровна. Ей два месяца назад исполнилось семьдесят пять, она носила высокую причёску, румянила щёки и обожала драгоценности. Её квартира была переполнена различными антикварными вещами, и Фаина Александровна каждую мелочь в своей квартире обожала, знала и могла часами рассказывать историю появления «в нашей семье» какой-нибудь чашки. Конечно, всё это было от одиночества, разговоры о котором тётя не выносила.

– У меня была более чем насыщенная жизнь, – неизменно говорила она. – Могу я хоть в старости отдохнуть?

От второго мужа ей в наследство досталась просторная квартира в центре нашего города, сталинка, с высоченными потолками и огромной кухней. От третьего страсть к антиквариату, коллекция старинных часов и парочка картин, за которыми охотились дотошные музейщики, однажды даже из Москвы приезжали, но Фаина Александровна стояла насмерть, а в ответ на туманное обещание кругленькой суммы, лишь презрительно сморщилась и наградила гостя надменным взглядом.

– Я сама вам заплачу, молодой человек, если вы пообещаете мне больше не появляться в моём доме! Тося, неси кошелёк!..

– А первый и четвёртый? – полюбопытствовала я лет пятнадцать назад, когда ещё была девочкой-подростком, выслушивающей рассказы отцовой тётки с открытым от изумления ртом. – Что от них осталось?

Кажется, тогда я Фаю своим вопросом несказанно удивила. До сих пор помню её взгляд, по-настоящему заинтересованный, хотя до того момента меня тоже лишь изредка трепали сухонькой ладошкой по голове, как всех остальных племянников.

– От первого – долги, от четвёртого – его бывшие дети. Так что, учись на моих ошибках, дорогая. Брак – это сделка, нужно постараться не прогадать.

Я тогда ни слова не поняла, но, находясь под впечатлением, кивнула.

По правде говоря, кровной роднёй с Фаей мы не были. Она приходилась какой-то там тёткой моему отцу, который умер вскоре после того, как мы переехали в этот город. Таких псевдо-племянников, как я, у Фаи было с десяток, а плюсом ко всему этому шли трое детей последнего мужа, которых она терпеть не могла, чего и не скрывала. Те отвечали ей взаимностью, но своим вниманием не обделяли, надеясь на скорое наследство. Фая это понимала и лишь многозначительно усмехалась, а как-то заявила во всеуслышание:

– Всё оставлю Веронике. Я так решила.

Все присутствующие за столом поперхнулись, включая меня. Хотя, мне, наверное, надлежало обрадоваться. Ведь Вероника – это я.

Как так случилось, что я, ещё в свои одиннадцать, нашла общий язык с женщиной в возрасте с весьма непростым характером, из-за своей вредности пережившей четверых мужей, которую с трудом терпела даже домработница, проработавшая у неё почти десять лет, и, казалось бы, привыкшая к требованиям и нравоучительному тону, совершенно не понятно.

Но когда я приходила к ней, ещё девочкой, и внимательно выслушивала её рассуждения о мужчинах, о браке и о жизни в целом, Фая, видимо, прониклась ко мне признательностью и решила всю свою мудрость, нажитую с годами, передать мне, хотя маме моей это активно не нравилось. Она была против того, что я хожу к тётке в гости, особенно после смерти отца, но я всё равно к Фая прибегала тайком, после школы, пила чай с яблочным вареньем и выслушивала её истории. А когда немного подросла, начала рассказывать ей про себя. Даже про свой первый поцелуй я ей рассказала, а не маме.

– Ты ведь несерьёзно? – спросила я её, когда все родственники разошлись, разозлённые итогом разговора о наследстве. – Зачем мне твоё наследство?

– А что, ты предлагаешь оставить всё этим извергам? Они всё распродадут через неделю и будут жить припеваючи! За мой счёт.

– Тебе уже будет без разницы. – Я рассмеялась, зная, что к разговорам о своей возможной близкой кончине, Фая относится с юмором.

– Это ещё неизвестно. А вдруг я не смогу успокоиться? Нет уж, – протянула она с мстительным удовольствием, – я всё оставлю тебе, а они пусть лопнут от зависти.

– Они же мне жить спокойно не дадут!

– А ты их пошли, от меня, я тебе в завещании пропишу, какими именно словами. К тому же, они тебе не родственники, ты можешь с ними не общаться.

Я улыбнулась и подлила ей ещё чаю. А Фая рукой, сверкающей громоздкими перстнями, указала на вазочку с конфетами.

– Там моих любимых не осталось? – И тут же заворчала. – Конечно же, нет! Они специально их все выбрали, мне назло!

Конфеты я ей подала, сама за стол присела и придвинула к себе чашку.

– За что ты их так не любишь?

– А за что мне их любить? Только и ждут, когда я, наконец, им квартиру освобожу. – Покачала головой. – Вот уж оставил мне Игорюша наследство, ничего не скажешь. У них, между прочим, своя мамаша имеется, вот пусть она им наследство и оставляет. Двушку свою в «хрущёвке». А Игорюша ко мне с одной бритвой и комплектом белья перебрался. Я Тосе так и сказала после его смерти – ничего не выбрасывай из его вещей. Всё в наследство передам деткам его. Опись сделаю... или как там это называется? – Я пожала плечами, а Фая безразлично махнула рукой. – Ладно, не важно. В общем, всё верну по месту бывшей прописки.

– А мне бриллианты? – уточнила я с усмешкой, а тётка кивнула и мне в тон проговорила:

– А тебе бриллианты. Кому ещё? Ты у меня одна радость. – И тут же крикнула в сторону кухни зычным не по возрасту голосом: – Тося, чай остыл! Ты же знаешь, что я люблю только горячий чай! Я тебя зарплату лишу!

Тося, в миру Анастасия Григорьевна Прашук, появилась в комнате, хозяйку недовольным взглядом наградила и хлопнула на стол горячий чайник.

– Тося, скатерть же!.. – закатила глаза Фая и сжала маленькие кулачки, которые вкупе с обилием перстней могли, при желании, превратиться в смертельное оружие.

– Ника, ты ей хоть скажи, чтобы не доводила меня! – взмолилась Анастасия Григорьевна, а я рассмеялась и прикрикнула на них:

– Тихо, дамы! Тося, садись чай пить.

А вот сегодня Фая чая не просила и вообще выглядела недовольной и раздражённой. Такое её настроение не было редкостью, но сегодня уж как-то особенно это бросалось в глаза. А когда я прошла в комнату, которую она гордо именovala гостиной, мне продемонстрировали чашку из сервиза с трещиной на боку. Она демонстративно была выставлена на середину стола и, видимо, её уже давно разглядывали и из-за трещины злились. Я Фаю очень хорошо знала, поэтому угадала трагедию с одного взгляда.

– Вот, полюбуйся, – заявила она мне, ткнув в чашку пальцем. – И как я должна вернуть её в сервиз? Это же уродство!

– Можно задвинуть её к самой стенке, – предложила я.

Фая посмотрела с недоумением.

– К какой стенке? Ты думаешь, что говоришь? Это китайский фарфор.

– Склеенный, – как ни в чём не бывало, сказала я, а тётка приуныла.

– Вот ведь...

– Да, и поругать некого, – ехидно провозгласила Тося, появляясь в комнате. – Сама её на пол смахнула!

– А ты и рада, да? – обиделась на неё Фая, а я отвернулась, чтобы успеть справиться с улыбкой.

– Охота вам из-за чашки ругаться, – попыталась я воззвать к их разуму.

– А что же мне с ней делать? – расстраивалась Фая, а я чашку взяла, подошла к старинному комоду, на цыпочки приподнялась, чтобы дотянуться до полки с сервизом, и чашку задвинула в самый дальний угол.

– Вот и всё.

– Это называется, решила проблему, да? – проворчала тётка, но спорить не стала, только рукой безнадежно махнула. Тося же удовлетворённо кивнула и пообещала мне чай с ещё горячим ореховым печеньем.

Я на диван присела, по привычке закинула ногу на ногу, хотя Фая меня за это и ругала, и платье на коленях разгладила, чтобы не морщилось.

– Что у тебя случилось?

Я глаза на Фаю подняла. Пожала плечами.

– Ничего вроде.

– Во-от! – Она поправила крупные бусы, украшавшие её тонкую шейку, и на стул опустилась с таким видом, словно это был королевский трон. И ногу на ногу, конечно же, не закидывала, Фая таких дурных манер не имела. Она села, элегантно пристроила локоток на край стола и пальцы, украшенные перстнями, сцепила. – В этом вся твоя проблема. У тебя ничего не происходит.

– Вот по этому поводу я точно не расстраиваюсь. Некоторые, спокойную жизнь, счастьем называют.

– Скучные, никчемушные люди. Ты меня на полвека младше, а мне на тебя смотреть скучно. Вот у меня в твоём возрасте ни дня для скуки не было. А ты замуж вышла, и теперь от тоски сохнешь.

– Неправда. – Я даже головой покачала. – Никакой тоски. И вообще, у меня всё в порядке. И муж есть, и работа, и отдельная квартира. Не всем так везёт.

– Это точно. А ведь я тебе говорила, не выходи за него.

– Он меня любит.

– Велика заслуга! Нет бы ты уродом была или дурой непробиваемой, вот тогда можно было бы цепляться за того, кто любит, а так... – Фая махнула на меня рукой.

Тося вошла с подносом и на Фаину кинула гневный взгляд.

– Вот чему вы девочку учите? Живёт ведь хорошо. Муж такой... солидный.

– Ну, какой он солидный! Ты хоть знаешь, что такое солидный? А этот... мент.

Я даже рассмеялась, а Тося замерла с глупым видом.

– Господи. Что за словечки, Фаина Александровна?

Фая самодовольно усмехнулась.

– Нормальные. Сейчас все так говорят. По телевизору я слышала.

– Опять НТВ смотрите? Обещали ведь.

– Так, всё, замолчи. – Фая нетерпеливо махнула на домработницу рукой. – Налей мне чаю. Ника, что ты там сидишь? Иди к столу.

Я с дивана поднялась и пересела к столу. С благодарностью улыбнулась Тосе, когда та передо мной чашку поставила, и от печенья отказалась.

– Правильно, – кивнула Фая, прожевав первый кусочек. – Нечего себя баловать. Баловать будешь после семидесяти. И давай, рассказывай. Поругалась с ним?

– Да нет. Всё у нас хорошо. Просто...

– Заведи любовника. Это всегда помогает.

– Нет, это невозможно, – Тося грозно посмотрела. – Ника, не слушай её.

– Правильно, не слушай меня. Просто молча покрывайся плесенью.

– Не нужен мне любовник.

– Тоже правильно. Лучше мужа поменяй.

Я рассмеялась.

– Ну да. Давно я не меняла паспорт.

– А если серьёзно, он же самый настоящий мент, Ника. У него же всё это крупными буквами на лбу отпечатано.

– Он не просто мент, Фая, – возразила я. – Он хороший мент, и при всём этом карьерист, очень редкое сочетание, а оттого удачное.

– Интересно, это какую карьеру можно сделать в милиции?

– Ты удивишься, но можно. А ещё нужные знакомства завести, в будущем пригодится.

– Я тебя умоляю, Ника. На какое будущее ты рассчитываешь? Он же не умеет ничего, только фуражку поправлять и разговаривать командирским тоном.

– Ну, не только фуражку поправлять. – Я заговорщицки улыбнулась. – Некоторые способности у него ещё имеются.

– Хотя что-то, – проворчала Фаина и взяла из вазочки конфету. – А вообще, тебе влюбиться надо.

Я с готовностью кивнула.

– Да. Заведу любовника и в него непременно влюблюсь.

– Ой, нет. Это будет очень большой ошибкой. От этого столько проблем, столько неприятностей... Кстати, а твой муж за тобой не следит?

– Зачем ему за мной следить?

– На всякий случай. С его-то возможностями мог бы и беспокоиться.

– Фая, Витя – не ревнивый.

– Не ревнивый пока ревновать не к кому. А вообще, ты зря за него вышла. Могла бы ещё повыбирать.

– Из кого выбирать? Мне первого мужа с его семейкой великосветской за глаза хватило. А у Вити тишь да гладь, никаких родственников. К тому же, я отлично знала, что делаю. У меня всё под контролем.

– Это и плохо. Когда всё под контролем, скука и приходит. А брак скучным быть не может, должно гореть... хоть что-то. А у тебя даже не тлеет. У тебя всё под контролем.

– А что гореть, что гореть. – Тося в комнату вернулась и за стол села. На Фаину посмотрела. – Ей детей надо рожать, семью строить, а вы гореть!.. Не семнадцать лет, чай.

– Чай не семнадцать, – подтвердила Фая и глазами сверкнула. – В том-то и дело. А она ни разу не влюблялась!

Мне вдруг стало не по себе от этого разговора. Тут же захотелось поспорить.

– Почему это? Влюблялась.

– Когда?

Я задумалась.

– В юности.

– Крышу у тебя сносило, помню, – подтвердила Фая. – Из-за этого, как его... Тося!

– Славика, – подсказала та.

– Вот-вот, Славика. Но ты ведь тогда просто упрямилась, и добилась только того, что мать тебя из дома выгнала, но я не помню, чтобы ты о любви что-то говорила.

– А кто меня учил, что голову терять нельзя? – решила возмутиться я.

– Так то голову!.. Всё у тебя по уму, это меня и беспокоит.

– А я считаю, что всё правильно, – вмешалась Тося. – Ну что хорошего в этой любви? Только глупостей наделает. А сейчас всё в твоей жизни, Ника, устроено. И её ты не слушай. Хороший у тебя муж, хороший. И при должности, и при достатке, и при квартире. Что ещё нужно?

Я согласилась, что ничего. А потом, чтобы Фаю от неприятной темы отвести, заговорила о работе. Уже год я трудилась в туристической фирме, встречала туристов, не простых, а с деньгами. Они, в наш старинный город, приезжали часто, не только посмотреть и древнерусской культурой проникнуться, но и отдохнуть, а для этого у нас были созданы все условия, только деньги плати, как говорится. Вот они и платили, а шеф мой, Лёвушка Шильман, для них старался.

– Любой каприз за ваши деньги, – любил повторять он, улыбаясь и зная, что иностранные гости его не понимают.

А моя работа как раз и заключалась в том, чтобы понимали. Когда-то, по настоянию той же Фаи, я начала изучать языки и к окончанию факультета иняза практически в совершенстве владела двумя – английским и французским. А когда за Дениса замуж вышла, от той же самой тоски и скуки выучила ещё и немецкий. После института мне предлагали ехать в Москву, сулили хорошую зарплату на сомнительной должности, а я взяла и замуж выскочила. Это я сейчас уже понимаю, что сдуру, а тогда мне Денис казался хорошей партией, а я себе очень дальновидной и расчётливой. Правда, знание языков пригодилось и теперь я тружусь у Лёвушки и мню себя крутым переводчиком. Выучила историю родного города и иностранцам её рассказываю. А потом сижу с ними в ресторане, перевожу названия блюд и с официантами общаюсь. Иногда езжу в пансионаты, но это когда попадают реально богатые заморские товарищи, готовые раскошелиться. Обычно всё заканчивается бесплатным обедом. А вот недавно мне предложили съездить в Париж, так сказать, по обмену опытом, и теперь мне надо было быстренько придумать, что мужу сказать, чтобы он меня отпустил без малейшего колебания. И вроде бы Витя, на самом деле, ревнивым человеком не был, но как он отнесётся к поездке за границу, я предположить затрудняюсь.

С Виктором мы женаты уже больше двух лет. В наших отношениях есть плюсы и минусы, но я, по здравым рассуждениям, понимаю, что плюсов всё-таки больше. Что бы Фая ни говорила, а муж мой, на самом деле, при должности, пусть и не какой великой, но дружбу водит с сыном прокурора области, и на рыбалку ездит с папенькой дружка. А это очень много значит. И меня любит, что на самом деле похоже на правду. Разница в возрасте у нас семь лет, говорят, что это идеальное соотношение. Уж не знаю, что там с точки зрения психологии и других наук, но живём мы неплохо. Он мною перед друзьями хвастается, а я им горжусь по мере сил. Конечно, иногда приходится закрывать рот и молча сносить его дурное настроение, да и кулаком по столу Витюша иногда любит стукнуть, но куда без этого? Без этого у меня тоже было, и особой радости я тогда не испытывала. А так, мужчина он у меня видный, с ним спокойно, и при всём при этом не лентяй. Мечты у него, амбиции, а любая умная женщина этому только порадуется.

А Фая всё про скуку!.. А к чему веселиться постоянно? Мне вот, сколько себя помню, особо весело никогда не было, даже в юности, когда, как всё та же Фая говорит, у меня снесло крышу от Славика. Плевать мне было на Славика, дело ведь в другом было. Совсем в другом.

Я сейчас, в свои двадцать семь, и вспомнить так сразу не могу, когда мы с матерью потеряли общий язык. Вроде я маленькой была, маленькой, потом умер отец, а через некоторое время всё сломалось. Сейчас мама говорит, что я тогда стала невыносимой, что со мной невозможно было договориться, я ничего не слышала и делала всё назло, а я, хоть убей, такого не помню. Только то, что мама злилась, когда я бегала к Фае, следила за мной лет с двенадцати, боясь, что я вляпаюсь в какие-нибудь неприятности, в школу ходила... Часто? Возможно. Но ничего ужасного я не совершала, просто упрямая была до невозможности и время от времени вступала в открытое противостояние с педагогами, что тем, конечно же, не нравилось и они вызывали маму в школу. А мама злилась. Не расстраивалась, а именно злилась, и я, своим подростковым умом, никак не могла этого понять. После смерти отца мама тоже изменилась, почерствела что ли как-то, и мне очень трудно оказалось это принять. А ещё труднее – её нового мужа, который появился в нашем доме через полтора года после смерти отца и с порога начал вести себя, как хозяин. Но и тогда я не стала невыносимой и до сих пор искренне в это верю. Я даже училась хорошо. Не отлично, конечно, я всегда объективно отношусь к своим возможностям, но я старалась, потому что прекрасно понимала, что дурой в глазах мужчин нужно выглядеть, но не быть ею. Этому меня тоже Фая научила. И пока моя мама устраивала свою личную жизнь, переживала медовый месяц, беременность и рожала новому мужу нового ребёнка, я зубрила французский, уже в пятнадцать лет думая о том, куда и как я буду поступать. Очень сомневалась, что отчим согласится содержать меня в течение пяти лет учёбы, и уж точно не выдаст и рубля из семейного бюджета на вступительный взнос в институт. Фая предлагала свою помощь, но я отказалась, понимая, что это приведёт к конфликту с матерью, а мне тогда и так не просто было в родном доме. Нет, меня никто не ущемлял в правах, в угол не задвигал и о существовании моём не забывал, даже после рождения сестры, Альбины, но я всё равно чувствовала себя источником всех неприятностей в их молодой идеальной семье. До сих пор помню, как мама, такая счастливая, помолодевшая, с младенцем на руках, выговаривала мне, что я не должна водиться с мальчиками, потому что им всем только одно от меня и нужно, а я ещё дурочка глупая, и наверняка опасности не замечу и вляпаюсь, обязательно вляпаюсь! Я молча всё это выслушивала, понимая, что спорить бесполезно, а уж говорить, что всё это мне давно объяснила Фая, давно. Тогда точно грянет скандал. А я скандалить не люблю, да и не умею, и вообще боюсь, когда кричат.

Мамины разговоры о мужском коварстве меня беспокоили мало. Она забивала мне этим голову лет с двенадцати, и если бы не Фая, я ведь на самом деле могла на этом заикнуться не дай бог, но когда я начинала пересказывать мамины слова, Фая начинала хохотать и рассказывать мне истории из своей жизни, которые казались мне едва ли не сказкой. Приукрашивать Фая любит, конечно, я даже предлагала ей начать писать любовные романы, но тогда, будучи впечатлительным подростком, на меня её слова оказывали огромное влияние. Заставляли меня мечтать и на жизнь и мужчин смотреть совсем под другим углом, не под тем, который мне предлагала мама. Она это понимала и злилась. Она всегда на меня злилась.

– Ты в бассейн сегодня ходила?

– Да, мама.

– Ника, вот что ты мне врешь? – Как сейчас вижу, как она Альку на руках укачивает и на меня шипит. – Я видела тебя с этим оболтусом, со Славиком!

Я глаза выразительно закатила и отвернулась.

– Ника!

– Таня, прекрати. – Отчим появился в дверях комнаты и выразительно на нас глянул. – Ты видишь, что она слушать тебя не хочет? Что ты себе нервы треплешь? Пусть делает, что хочет.

– Что хочет? Я не знаю, что хочет она, но что хочет этот Славик, прекрасно догадываюсь. Я на мать посмотрела и поинтересовалась:

– И чего он хочет?

Она замерла, в смятении взглянула на мужа, а когда поняла, что я издеваюсь, снова разозлилась.

– Ты очень умная? Тебя эта полоумная старуха всему научила, так тебе кажется? Не хочу тебя разочаровывать, но ты очень ошибаешься.

– Мам, в подоле я тебе не принесу, не волнуйся.

Отчим привалился плечом к дверному косяку и с интересом на меня поглядывал, даже ухмылялся. А мама сверлила меня взглядом.

– То есть, ты с ним спишь?

– А нам обязательно обсуждать это при чужих людях?

– Когда ты со своим Славиком вляпаешься и придёшь домой вся в слезах, я тебе напомню, что он тебе чужой. – Мама на отчима кивнула.

– Я не вляпаюсь. А если и вляпаюсь, то плакать вряд ли буду. Ошибки нужно не оплакивать, а исправлять. Самой.

– Серёж, ты слышишь, что она говорит? У меня такое чувство, что я не с ней, а с Фаей разговариваю. – Повернулась ко мне. – Я же запретила тебе к ней ходить!

– Я буду к ней ходить. И не кричи, Альку разбудишь.

Мне было семнадцать, и я казалась себе очень взрослой и умной. А вот маму мне было жаль, очень хотелось объяснить ей какую-нибудь прописную истину, которую я сама усвоила уже давно, а ей вот она так и не давалась. В маминой жизни в тот момент меня удивляло всё, начиная с того, как она могла после отца польститься на «Серёжу», который был младше её на шесть лет, и казался мне одним большим недоразумением с его привычкой посмеиваться над всем, что видит, молчать обо всём, что видит, и мнение своё выдавать редко и только по большому одолжению. Отчим был человеком простоватым, работающим, но по жизни пофигистом. Его мало что волновало, помимо семьи. Денег ему нужно было ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы прокормить семью. Нужно больше? Значит, он пойдёт зарабатывать. Нет? Ляжет на диван и будет смотреть телевизор и пить пиво. У него даже машины не было, потому что ему было жалко на неё времени. Человеком он был не конфликтным, но меня иногда раздражал жутко, именно своим равнодушием. Мы несколько лет прожили под одной крышей, в одной квартире, но я не могу вспомнить ни одного нашего разговора «за жизнь», ни одного дела, которое мы сделали бы вместе, кажется, даже из дома вместе ни разу не вышли, даже в магазин. Ко мне он относился со слоновьим спокойствием, наблюдал иногда за мной, как за диковинной зверюшкой, перепалки наши с матерью слушал, а в остальном я его никак не интересовала, у него своя дочь была, зачем ему чужие дети? Мои же планы на жизнь его неизменно смешили, а Фаю он вообще считал чокнутой и всерьёз не принимал. И даже когда мы с матерью разругались в пух и прах, как она думала из-за Славика, а я же боролась за свою независимость и свободу выбора, спокойно заявил, что раз я такая взрослая, то и шла бы... в свою взрослую жизнь, и мозги бы никому не пудрила своими теориями и принципами.

В общем, Славка реально обалдел, когда я заявила к нему на ночь глядя с вещами.

– Я переезжаю к тебе.

– Зачем?

– Жить, зачем... Или ты не рад?

Славка, с которым мы когда-то учились в одной школе, правда, он был на два года старше, а теперь слыл студентом педагогического ВУЗа факультета физической культуры, в затылке почесал и в квартиру меня впустил.

– Только давай с тобой договоримся, – заявил он на следующее утро, видимо, когда осознал, что я не пошутила и перебралась к нему всерьёз и надолго, – ты живи, но жениться я не собираюсь, и дети мне не нужны.

Я долго на него смотрела. Он как раз явился из душа, стоял передо мной Апполон Апполоном, только шорты в оранжевые огурцы по зелёному фону впечатление несколько портили, пытался хмуриться и добавить в бездонные голубые глаза хоть капельку ума и предосторожности.

– Какие дети, Славик? Мне в институт поступать надо. И ты не беспокойся, я как поступлю, постараюсь от тебя съехать побыстрее.

– Куда?

Я плечами пожала.

– Пока не знаю. Наверное, придётся выйти замуж.

Он завис, густые брови сошлись на переносице, а я подошла и поцеловала его.

– Не хмурься. Тебе не идёт. Вдруг от всяких умных мыслей морщинка на лбу появится? Как жить-то будешь с такой печатью? Не справишься, это ведь такая ответственность.

– Ник, ты чего?

– Ничего. Как там твоя мамаша? На работу ушла? Я кофе хочу.

В общем, вот так я ушла из дома. Фая позвала меня к себе, но скорее из вежливости, знала, что я откажусь. Мне хоть и было страшно тогда, но приняв решение начинать взрослую самостоятельную жизнь, отступить уже не могла. Правда, потом не раз в этом каялась. Что может быть проще – испугаться и сдаться? Вернуться в отчий дом или к Фае под крылышко и переждать в покое и сытости. Но было стыдно, и я терпела, стараясь особо своими «новостями» никого не расстраивать. У меня всегда всё было в порядке. Даже когда ругалась со Славкой, даже когда выталкивала взащей из нашей постели каких-то профурсеток, а потом выслушивала от его матери всякие неприятные вещи, вроде того, что это я её сыну жизнь порчу, и он уже не знает в какие пороки кинуться с головой, чтобы от меня избавиться. От своего присутствия Славку я бы избавила без лишних сантиментов, но идти мне было некуда. Мать со мной не разговаривала, искренне верила, что я к Славке сбежала, не дождавшись совершеннолетия, потому что от любви с ума сошла и поэтому дурости возлюбленного не замечаю. Я с ней не спорила, понимала, что правды от меня она просто не перенесёт и разговаривать со мной до конца своих дней тогда точно не станет. Улыбалась, что только от неё не выслушивая, и кивала, как китайский болванчик, прекрасно понимая, что кроме как за обучение азам сексуальной жизни, мне Славку благодарить не за что. Но всё равно, за год совместной жизни к дурню к этому посвоему привязалась, и съезжая в институтское общежитие, даже всплакнула.

– Ты главное не забывай, что много пить и гулять вредно, – наставляла я его, собирая вещи. – Я, конечно, понимаю, что сейчас ты в загул уйдёшь, но, Слава, тебе на сборы ехать, через две недели. Слышишь?

– Слышу. Ник, ты меня совсем бросаешь, что ли?

– Совсем. Можешь вздохнуть с облегчением.

Он в руках покрутил чистую футболку, потом сунул голову в ворот.

– А видак с телевизором?

– Оставь себе.

– Правда? – Он обрадовался.

Он обрадовался, а я через плечо оглянулась и строго посмотрела. Славка осознал и покаянно опустил вихрастую головушку. Я вздохнула. Всё-таки парень он был видный, иногда как улыбнётся, так обо всей его дурости и недалёкости забываешь напрочь.

– Съезжаешь, что ли?

Я в прихожей обувалась, ещё раз огляделась, чтобы удостовериться, что всё своё забрала, выпрямилась и на Славкину мать посмотрела. Она стояла с сигаретой, и дымила ею, как паровоз.

– Съезжаю. В общежитие.

– Поступила? – Она, кажется, была удивлена.

– А как же.

– А Славка?

– А Славка всё. В дальнейшие мои планы не вписывается. Адью. Простились со всей теплотой и благородством.

– Ишь ты.

– Да не переживайте вы, тётъ Тонь. Он совсем чуть-чуть пострадает и успокоится. Вы только напомните ему, что десятого ему на сборы. А то ведь в загул уйдёт и забудет.

– Всю ты душу из парня вынула, – упрекнула она для порядка, а я кивнула и сумку с вещами подхватила.

В общежитии я прожила пару месяцев, мне там не понравилось. Там было шумно, неуютно, попадались абсолютно беспардонные личности, с которыми я не знала, как бороться и договариваться. Терпела, как мне показалось, долго, а потом пришла к Фае и призналась:

– Я в тупике.

Она на меня посмотрела и идеально выщипанную бровь приподняла:

– Деньги кончились?

– Не в деньгах дело, мне хватает стипендии и процентов, что с отцовских денег получаю. Там немного, но хватает. Куда мне их тратить, деньги эти?

– Действительно. Зачем молодой девушке деньги?

– Ты меня не слушаешь, – обиделась я.

– А зачем? Я и так всё знаю.

– Я ведь не альтруистка.

– Я понимаю.

– Просто нужно двигаться вперёд. В институт я поступила, а дальше что? Пять лет прожить в общежитии, чтобы потом стать учителем английского в школе? У меня совсем другие планы.

– Так следуй этим планам. Какого совета ты от меня ждёшь?

Я сунула в рот конфету.

– Не совета, Фая. А помощи. Есть у меня знакомый, в институте нашем учится, физмат заканчивает, Олюшкин Денис.

Фая фыркнула.

– Дурацкая фамилия.

Я рассмеялась.

– Дурацкая.

– Влюблён?

– Говорит, что да.

Фая внимательнее взгляделась в моё лицо.

– А тебе бы не мешало посетить косметолога. Бледненькая какая-то, под глазами круги.

Я отмахнулась.

– Зубрю.

– Ну, и зубри себе на здоровье, но круги под глазами это не дело. Отдыхать нужно, сон – это лучшее лекарство. И от кругов под глазами, кстати, тоже.

– Я запомню. Так что с Денисом?

– А что с ним? Приводи, оценим.

Денис на самом деле был в меня влюблён. Он смотрел на меня, затаив дыхание, слушал и кивал, что бы я ни говорила, даже если это была откровенная глупость. Рядом с ним я чувствовала себя царицей, правда. Он и относился ко мне соответствующе. Цветы дарил постоянно, даже после свадьбы не перестал этого делать. Он был милый, мягкий, сердечный, хотя, после свадьбы, то, что казалось мне достоинствами, превратилось в недостатки, и я пришла к выводу, что он скорее слабохарактерный и даже мямля, особенно в отношениях со своими

многочисленными родственниками. Но, не смотря ни на что, я к Денису очень хорошо относилась. Он был тихий, zalюбленный родителями мальчик, единственный сын, и выгодная партия для такой бесхозной девчонки, как я.

Сейчас мне часто говорят, что я красивая. Витя мною гордится, не жалеет денег на мои наряды, по мере возможности, конечно, я себя люблю и о себе забочусь, и в отличие от своего мужа прекрасно понимаю, что моя красота – это результат многолетних трудов и стараний. Да, природа меня наградила, но любая награда со временем тускнеет, её чистить нужно, Фая мне это с ранних лет в голову вдальбавала, вот я теперь и стараюсь. А тогда, в свои девятнадцать-двадцать лет, когда особи мужского пола замирали рядом со мной и на глазах глупели, я только фыркала и смеялась им в лицо, не веря ни единому их слову. У меня были длинные светлые волосы, которые я зачастую забирала в простецкий хвост, огромные сияющие глаза, я знать не знала, что такое макияж, и удивляла всех румянцем во всю щёку, который сейчас бы посчитала неприличным. Хотя, если честно, я просто не помню, что такое румянец, банально разучившись смущаться и краснеть. В общем, семь лет назад я считала себя симпатичной, но не более, загадочной, но не слишком, независимой, но в меру. И, вероятнее всего, эта смесь несмешиваемых вещей, сбивала всех мужиков без разбора с толка. А я не то что бы этим наслаждалась, просто анализировала и наблюдала как бы со стороны и впечатления свои записывала, точнее, мотала на ус. Мотала, мотала, а потом пришла к выводу, что мне всё это на фиг не нужно, и вышла замуж за своего Дениску, свято поверив в то, что с ним-то точно буду счастлива. Не в том смысле, что люблю без памяти и всё остальное не важно, а в несколько меркантильном. Денис был сыном ректора нашего института, мама его преподавала вокальное искусство, фактически, участвовала в «семейном бизнесе», и вообще у них была династия учителей и преподавателей, дедушка профессор, интеллигенты в седьмом поколении, уважаемая в городе семья, и мне очень захотелось ко всему этому примкнуть. То есть, тоже стать интеллигентной и занять царственную осанку свекрови и некоторые её права и привилегии.

Желание единственного сына жениться на мне, светловолосой и ясноокой, у них, по понятным причинам, воодушевления не вызвало. А я изо всех сил старалась родственникам Дениса понравиться, прекрасно понимая, сколько от этого зависит. Я разговаривала с его бабушкой по-французски, пыталась запомнить истории из жизни его деда и на полном серьёзе предложила тому сесть за мемуары, чем поразила старика в самое сердце, и никогда не спорила с Денискиными родителями. Свекровь моя, позже, когда дело уже шло к разводу, как-то заявила, что я всё это делала специально, то бишь попросту притворялась, в доверие втиралась, а я даже спорить с этим не стала. Конечно, притворялась, и даже скрыть этого не пыталась никогда, но при этом проявляла чудеса такта. Я ведь даже не смеялась никогда над их семейкой и их устоями. Правда-правда, никогда. Относилась ко всему совершенно спокойно, не особо страдая из-за постоянного зуда свекрови над моим ухом – как я должна выглядеть, как одеваться, когда говорить, а когда молчать. По её словам выходило так, что я им всем обязана. Что разрешение дали за их сыночка замуж выйти, что в квартире их живу, что фамилию их ношу. Зато моя мать была просто счастлива, видимо на самом деле не ожидала, что я способна сделать такую хорошую партию. В её глазах я была совсем пропащей. Вот она-то мою свекровь всегда открыв рот слушала, что меня, если честно, смешило.

– Роди им ребёнка, – говорила мама, когда недовольство родственников моего мужа мною дошло до крайней точки.

– Обойдутся.

– Ника, ты что, не понимаешь, что происходит? Элла тебя попросту выживает. Она вас с Денисом разведёт!

– Мама, я сама с ним разведусь. Он мне надоел.

– Ты с ума сошла?

Я покачала головой. К тому моменту мы с Денисом прожили вместе три года и терпение моё закончилось.

– Думай, что хочешь.

Я взглянула на кольцо с бриллиантом на своём пальце (не какой-то новодел, а семейная реликвия), потом улыбнулась Альке, которая принесла мне показать свою новую куклу.

– И останешься на улице!

– Не останусь, – успокоила я её.

– Ну конечно! Ты же у нас умная и расчётливая! А все вокруг дураки.

– Мама, я знаю, что я делаю.

– Нет, ты не знаешь. Это всё Фая, она тебя с толку сбивает. Она четырёх мужей пережила, ты так же хочешь?

– Она думает, что всю жизнь будет сверкать, – ухмыльнувшись, проговорил отчим, входя в комнату. И на меня посмотрел. – Да, Никуля?

Я ему улыбнулась. Как могла пленительно. Мама стояла ко мне спиной, повернувшись к мужу, и я, воспользовавшись этим, закинула ногу на ногу, зная, что отчим внимательно за мной наблюдает. Его глаза сверкнули, а я усмехнулась. Я его насквозь видела и всегда этим гордилась. Пофигист он – это да, но бабник отъявленный. А мама либо на самом деле этого не замечает, либо закрывает глаза на этот небольшой, по её мнению, недостаток мужа. И на меня он посматривал, с тех самых пор, как в моей жизни появился Славик, и сексуальность из меня через край поплёрла. Он смотрел, я это замечала, но знала, что руки он никогда ко мне не протянет. Просто мне нравилось иногда его дразнить, когда мама этого не видела.

– И что, разведёшься и вернёшься в отчий дом? – Он закурил, потом оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что моей матери поблизости не видно.

– Вот ещё. Они мне квартиру купят.

Артамонов захохотал.

– Конечно. И как я не догадался?

– Думаешь, не раскручу?

Он на меня посмотрел. Сначала в лицо, потом взгляд опустил ниже и отчим хмыкнул.

– Ну, если постараться.

– Я постараюсь, – пообещала я. – От тебя-то всё равно толка никакого. Хотя мог бы и помочь... приёмной дочери.

– Чем это?

– Деньгами, чем.

– О-о, это не ко мне. Сама разбирайся.

– Почему-то я так и подумала.

– А ты замуж выйди, – посоветовал он.

– Дай развестись для начала, – проворчала я.

– Непутёвая ты девка, Ника.

– Почему? Потому что хочу в жизни получше устроиться? Это плохо?

– Да нет. Потому что устроиться хочешь, а на всё остальное тебе наплевать.

– Не наплевать.

После того разговора я сильно расстроилась и даже обиделась на отчима всерьёз, долго с ним после этого не разговаривала. Хотя, кроме меня моей обиды никто и не заметил, не так часто я с родственниками виделась, с Фаем и то чаще. Просто слова отчима меня на самом деле задели. Меня ведь и правда, почему-то считали непутёвой. Красивой, но бессердечной, и в некотором смысле порочной. И никого не интересовало, что за всей моей уверенностью было не так уж много опыта, знания мои о жизни складывались в основном из теорий и уроков Фаи. Свекровь всем рассказывала, что я сыночку её изменяю, что до него я прыгала из постели в постель, как последняя проститутка, и Денечку её попросту соблазнила и окрутила. Спорить

с ней было бесполезно, и я гордо отмалчивалась в ответ на её обвинения и упрёки, и, наверное, этим все слухи о себе подтверждала.

– Не понимаю, зачем ты всё это затеяла, – жаловался Денис.

– Ты имеешь в виду развод?

– Да, да, я имею в виду развод! Разве нам плохо вместе?

Я откинулась на подушки и на потолок уставилась. Потом развела руками.

– Нет, не плохо. Нам просто никак.

Он замер.

– Что это значит?

– День, ты съехал на своей науке. Ты даже забываешь приходить домой ночевать. А я тут, как дура, с родителями твоими сижу. Твоя мама мне весь мозг выела, честное слово.

Он поморщился.

– Не говори так, ты же знаешь, мне это не нравится.

Я кивнула.

– Хорошо, не буду. Но сути это не меняет.

Денис присел на кровать и по ноге меня погладил.

– Я с ней поговорю, хочешь?

– Да бестолку уже говорить. Она теперь всем рассказывает, что я тебе изменяю. Ты, бедный, работаешь день и ночь, а я, бесстыжая, любовников меняю, как перчатки.

– А... у тебя никого нет?

– Что? – Я посмотрела удивлённо, а потом ногой дёрнула, руку его сбрасывая. Денис тут же перепугался, наклонился и лицом в мои колени уткнулся.

– Прости, прости.

Я ругаться и возмущаться дальше не стала и только устало проговорила:

– Денис, давай разведёмся. Я тебе не нужна. Мама потом тебе найдёт хорошую девочку, которая детей тебе нарожает, будет ждать тебя и тобой восхищаться, а я не могу. Я умру от тоски и тебя с ума сведу. Давай разведёмся.

– Ника...

– Только мне жить негде. К матери я не вернусь.

Денис сидел на краю постели с потерянным видом.

– И что делать?

– Ну, я не знаю, Денис! Придумай что-нибудь. У матери я жить не могу. – Я подумала и заявила: – Ко мне отчим пристаёт.

Денис растерянно моргнул.

– Как?

– Да очень просто. Не хочу я у них жить, зачем матери жизнь портить?

– Да, да, конечно. Я что-нибудь придумаю... Я могу переписать на тебя тётину квартиру. Она, конечно, на окраине города, да и дом не новый...

Я довольно улыбнулась, именно этого я от своего благоверного и ждала.

– Меня вполне устроит эта квартира. Ты не переживай.

– Ужасно, – заявила Фая, когда появилась в моём новом жилище. Оглядела небольшую комнату, прошла на крохотную кухню, и повторила: – Это ужасно. Ты на самом деле собираешься здесь жить?

Я гордо кивнула.

– Да. – И комнату оглядела с довольной улыбкой.

В тот момент, после скандального развода (скандального со стороны свекрови и свёкра, а не мужа) я себя в этой клетушке с картонными стенами чувствовала вполне счастливой. Я собиралась начать новую жизнь, в которой никто больше не смел мне указывать и в чём-либо уличать. Даже в изменах и неприличном поведении. Я, конечно, не собиралась кидаться

в разгульную жизнь, ни о каких романах и новых мужчинах не помышляла, но сама мысль, что следить за мной больше никто не будет, меня окрыляла. Я сама себе хозяйка, наконец-то. У меня есть своё жильё, красный диплом и немного денег. Жизнь прекрасна.

– Денис обещал дать денег на ремонт.

– Что тут ремонтировать? Ника, здесь нельзя жить. Знаешь, я о твоих родственниках была лучшего мнения. Могли бы купить тебе жильё попроще.

Я усмехнулась.

– Да ты что? Дай Элле волю, она бы меня на улицу босую и голую выставила. А квартира эта Денису от тётки досталась, и он решил её мне подарить, на бедность, так сказать.

– А совместно нажитое имущество? – нахмурилась Фая.

– Мне даже интересно, что это мы такое с ним нажили.

Фая подошла к окну, отдернула штору и тут же отскочила, когда на неё пахнуло пылью. Она замахала рукой, разгоняя её. И покаянно кивнула.

– Да, мне нужно было это предусмотреть. В этом мы с тобой ошиблись. Но я не думала, что ты разведёшься с ним так быстро. Он ведь работает над диссертацией, может, откроет что-нибудь или изобретёт... Деньги бы появились со временем, папаша его постарался бы.

– И что же? Думаешь, я зря развелась?

– Нет, конечно. Деньги, милая моя, это хорошо, но счастливой тебя они не сделают, поэтому и гнаться за ними не стоит. Особо. Но такие вещи тоже предусматривать нужно. А если стало неважно, значит, правильно сделала, что ушла. Но в следующий раз будь умнее.

– Постараюсь.

Второго мужа я себе не искала. Жизнь моя меня вполне устраивала. Денис своё обещание сдержал и помог мне с ремонтом, маленькая квартирка стала вполне уютной, я её даже полюбила. Не сразу, но устроилась на работу. Зарплата, конечно, была не ахти, но меня, как всегда, выручили проценты, что я снимала со счетов отца. Денег там было не так много, на мой взгляд, но на некоторых количество шести нулей впечатление производило. Я старалась много не тратить и вообще без особой нужды в банк не ходила, только раз в три месяца снимала проценты, чтобы как-то свести концы с концами. Откуда папочка взял такие деньги, как он их заработал или откуда они на него свалились, я понятия не имею, мама мне об этом не говорила никогда, просто они были и принадлежали только мне, мама никогда на них не претендовала. И выручали. Очень выручали меня. И за это я с ещё большей теплотой об отце вспоминаю.

В одиночестве я прожила год, даже на свидания не бегала, в чём меня неизменно подозревали Фая и Тося. Они почему-то были уверены, что у меня от кавалеров отбоя нет. Ну да, мужчины обращали на меня внимание, но особого рвения не проявляли, а я не особо по этому поводу расстраивалась. Жила себе тихо и спокойно, даже подумывала кошку завести, чтобы хоть кто-то меня дома ждал. А получилось, что вместо кошки завела себе второго мужа. К тому же, я к этому и не стремилась, он как-то сам завёлся.

Познакомились мы довольно банально. Столкнулись в дверях магазина, Витя по нраву человек порывистый, вечно куда-то бежит и торопится, вот и в тот раз рвался в магазин, словно надеялся стать там миллионным покупателем и получить в подарок путёвку на Канарские острова. Мы столкнулись с ним, я недовольно посмотрела, но отступила, пропуская его вперёд, раз уж он так торопится. Витя на самом деле дверь распахнул, шагнул внутрь, а потом вдруг обернулся и на меня посмотрел. Улыбнулся.

– Извините. Я вас толкнул?

– Я переживу, – заверила я его.

Он заулыбался шире.

– Извините ещё раз. Я просто задумался. Когда думаю, хожу быстро.

– И по сторонам не смотрите, – подсказала я и прошла в магазин. Взяла корзинку, делая вид, что не замечаю, что он старается от меня не отставать и всё разглядывает, с непонятным

для меня удивлением. Толкал перед собой тележку, но словно забыл, зачем в магазин пришёл, на стеллажи с товарами совсем не смотрел, шёл за мной и молчал.

Когда мне это надоело, я остановилась и обернулась к нему.

– Зачем вы за мной идёте?

– А я за вами иду?

– Да.

– Девушка, можно я с вами познакомлюсь?

Я рассмеялась, вполне искренне.

– То есть, мне с вами знакомиться не обязательно?

– Почему? Очень даже обязательно. Я с вами познакомлюсь, а потом вы со мной.

Я с улыбкой его разглядывала, неожиданно заинтересовавшись. Не помню, о чём думала тогда, но впечатление он на меня произвёл приятное. И выглядел вполне привлекательно – широкоплечий, ясноглазый, с приятной улыбкой. Единственное, что выдавало в нём человека далеко с непростым характером, это некоторая жёсткость, проскальзывающая во взгляде, которую я себе объяснила, когда узнала, что он следователь прокуратуры. На вид лет тридцать, голос уверенный, жесты широкие, а улыбка обаятельная. С первого взгляда понятно, что дамский угодник, вполне успешный. Как только я поддалась на уговоры и сообщила ему своё имя, стал вести себя, как мой старый и очень близкий приятель, что, по его мнению, должно было меня подкупить, окончательно потерял интерес к покупкам и пригласил меня в ресторан. Я все его уловки замечала, даже знала, что он в следующий момент предпримет и какими словами меня начнёт увещевать, но разочаровывать его не спешила, только улыбалась загадочно и комплименты в свой адрес выслушивала. Надо сказать, что с удовольствием. Намерение нового знакомого отшить появилось и исчезло, я на Виктора всё чаще посматривала с определённым интересом, и, в конце концов, пришла к выводу, что монашество уже слишком долго. А это, говорят, для здоровья вредно.

В общем, к концу вечера, Витя сиял, как начищенный пятак, а всё благодаря моим поощрениям и сладким улыбкам. Я всё больше молчала, а он, видимо, решил, что я млею от счастья и судьбу благодарю за то, что свела меня с ним, таким замечательным и умелым, и от всего этого потеряла способность говорить. Я весь вечер пила шампанское, от которого у меня приятный гул в голове, и нисколько не пожалела о том, что согласилась пригласить Витюшу после ресторана к себе на кофе. Или на чай. Или на стакан крутого кипятка. Ему всё равно было, а я старалась не дать ему понять, что мне, в принципе, тоже. Женщине такое не пристало. Она должна млеть и смотреть с надеждой.

На следующее утро я проснулась оттого, что Витя целовал меня в плечико и что-то на ухо нащёптывал. Я приоткрыла один глаз, на часы посмотрела, и тут же натянула на себя одеяло. С надеждой, что он отстанет и даст мне поспать. А Витя, между прочим, возражать не стал. Чуть навалился на меня и проговорил:

– Никуш, я уезжаю, мне на работу нужно. – Через одеяло поцеловал меня куда-то в локоть. И туманно пообещал: – Я тебе позвоню.

Я не стала утруждать себя ответом.

Если честно, я не ждала, что он на самом деле позвонит, да и не нужно мне это было. Никакой тоски и томления в моей груди не наблюдалось, я даже не вспомнила о Викторе ни разу за прошедшую неделю, если только в первое утро, обнаружив в раковине грязную посуду, недовольно скривилась. Но что поделаешь, Фая мне всегда говорила, что недостатков у мужчин больше, чем достоинств, но мы, глупые женщины, зачастую готовы с этим мириться. Вот я в то утро и смирилась.

В общем, я его не ждала, продолжала спокойно жить, всерьёз задумывалась о том, чтобы завести кота (теперь была уверена, что это точно будет кот), и поэтому, встретив Виктора у сво-

его подъезда, неприятно удивилась. Он, заметив меня, вышел из машины, одарил меня счастливой улыбкой и воскликнул:

– Привет, солнце!

Я нахмурилась. Уж чего-чего, а фамиллярностей я не выношу. Остановилась и на машину его посмотрела. Задумалась о том, откуда у следователя прокуратуры такая машина, говорят, зарплата у них слёзы одни.

Витя, не дождавшись от меня никакой реакции на своё появление, улыбаться перестал и подошёл ко мне.

– Ну, прости меня, – завёл он сходу.

А я нахмурилась сильнее.

– За что это?

Он растерялся, потом решил признаться:

– Я не позвонил.

– А-а! Да ладно, я и не ждала.

– Почему?

Я плечами пожала.

– Наверное, потому что не хотела, чтобы ты звонил. А ты чего приехал-то?

Он смотрел на меня, как на чокнутую. С тревогой и недоверием.

– Ну... у меня выходной.

– Поздравляю. Езжай, отдыхай. Устал, наверное, да? – Я похлопала его ладошкой по груди. Хотела уйти, но он меня за руку поймал.

– Ника, ты обиделась, что ли?

– На тебя? Ну что ты. – Улыбнулась ему. – Ты был великолепен, правда. А теперь можно я пойду? Я, знаешь ли, с работы, и у меня хоть не такая важная миссия, как у тебя, террористов и маньяков не ловлю, но достали все... – Я только вздохнула и аккуратно освободила свою руку. – Пока.

Поднявшись к себе в квартиру, туфли скинула и на кухню прошла. Поставила пакет с купленными продуктами на стол, а сама в окно выглянула. Фыркнула, заметив Виктора у машины. Он стоял и по сторонам оглядывался, явно не зная, что предпринять. Потом всё-таки в машину сел и уехал. А я кивнула.

– Умный мальчик.

Я тогда на самом деле так подумала, но совсем скоро поняла, что поторопилась. Витя явился уже на следующий день и не просто так, а с букетом.

– Это тебе, – порадовал он меня и вручил букет роз.

На цветы я посмотрела, понюхала и благосклонно кивнула.

– Спасибо.

– Можно я войду?

Я в сомнении на него смотрела, потом от двери отступила.

– Входи.

– Ты не рада мне?

– Я тебя не ждала.

– Ну, хватит, Ника! – Кажется, он на самом деле мне не верил. – У меня было много работы, поэтому я и не позвонил.

Я цветы в вазу поставила и на Виктора обернулась.

– Но я на самом деле не ждала. Зачем ты мне нужен?

– То есть?

– Очень просто. У тебя же всё на лбу написано, Витя. Я как в магазине тебя увидела, так и поняла.

– Что поняла?

– Что ты бабник и надежды на тебя никакой.

– Я бабник? Я не бабник. – Он так решительно замотал головой, что мне даже страшно стало.

– Да, ты просто любитель, – поддела я его. – Женщин.

Он усмехнулся, и спорить передумал.

– Что есть, то есть. Но это разве плохо? Молодой, красивый... – Он широко и очаровательно улыбнулся. – Это они меня любят, а не я их, Ника.

– Нашёл оправдание.

Витя ко мне шагнул, а я за креслом спряталась. Он только руками развёл.

– И что это такое?

– Я же говорю, не нужен ты мне!

– Почему?

– Потому что. Девушка я серьёзная, мне замуж надо, а ты не женишься, только голову морочить будешь. А вдруг влюблюсь?

– А ты ещё не влюбилась?

– Нашёл дуру.

Он усмехнулся.

– И не ждала? Правда?

– Какой толк тебя ждать? Ты дело своё сделал и исчез. И меня это вполне устраивало.

До вчерашнего дня.

– Интересно. И какое я дело сделал?

– Развлёк меня, Витя. А то я после развода что-то заскучала. – Я из-за кресла вышла. – Всё, хватит. За цветы тебе спасибо, а теперь поезжай дальше. Или тебе цветы вернуть? Следующую уговаривать поедешь?

Он рассмеялся и в кресло моё плюхнулся. Оно жалобно скрипнуло под его тяжестью.

– Значит, ты в разводе?

Я обернулась.

– Уходить ты не собираешься?

Он скроил жалобную физиономию.

– Можно я останусь? Я ведь к тебе приехал, и цветы именно тебе купил. А я тебя ещё развлекаю.

– Ну, ты нахал, – поразила я.

А он кивнул.

– Да. Профессия обязывает.

Чёрт знает почему я разрешила ему остаться. Взгрустнулось, наверное. Витя на самом деле меня развлекал, когда не пропадал на своей работе сутками. Я совершенно не понимала, что он там делает, особенно по ночам. Иногда приползал совершенно обессиленный, на постель падал и засыпал. А я в такие моменты замирала рядом с ним в раздумьях. Вот, спрашивается, зачем мне всё это нужно? И это ладно бы муж, а так... Хотя, отоспавшийся и бодрый Витя становился совсем другим человеком. Однажды даже выгнать его пришлось, потому что никакого спасения от него не было. Витя хохотал и упирался, а я его к двери толкала.

– Иди отсюда!

– Ника!

– У меня сил уже нет.

– Так я же в этом не виноват. Ты же красивая! Я с ума схожу.

Я смеялась, но к двери его продолжала толкать.

– Уходи! А то прижился. – И дверь за ним захлопнула.

– Думать ни о ком, кроме тебя не могу, – признался он мне вскоре. В глаза мне заглянул. – Ты меня любишь?

– Ты хочешь, чтобы я тебя любила? Тебе так удобнее?

– Какая же ты вредная бываешь. – Витя голову опустил и прижался лбом к моей груди. – Может, я просто хочу, чтобы всё было серьёзно?

– Таких слов я от тебя не слышала.

– А я тебя люблю.

Я рассмеялась.

– Правда? И давно ты это понял?

– Какая разница? Я на самом деле влюбился.

– И что теперь делать?

– Не знаю. – Он ко мне наклонился, и я его поцеловала.

Когда я привела Витю знакомить с мамой, он впечатление произвёл. Особенно, когда опоздал и примчался с цветами и в мундире. Мама робела перед ним, не смотря на то, что должна была бы являть собой образец будущей тёщи и внушать будущему зятю тревогу и заставить лишний раз задуматься о том, что он собирается сделать. Но всё получилось наоборот, и я поняла, что Витя на самом деле не так прост, как кажется. Он держался чинно и официально и вот та жёсткость, которую я в его взгляде в первую нашу встречу заметила, как раз и вылезла. Особенно, когда он с отчимом моим общался. Они обменялись рукопожатием, и Виктор при этом выглядел очень серьёзным, никаких тебе очаровательных и мягких улыбок, к которым я успела привыкнуть.

– Зачем он тебе? – зашептал отчим, когда ему удалось зажать меня на кухне. – Это же не твой формат.

– Много ты понимаешь.

– Ника, я серьёзно. Это не Деня, с этим фиг поспоришь. Он тебя по стенке размажет.

– Скорее уж по кровати.

– Ну, тебе виднее, но всё-таки.

Я руки в бока упёрла и на Сергея посмотрела снизу вверх.

– Я не поняла, ты обо мне беспокоишься?

– Да не то что бы, просто как-то не хочется мента в свою семью принимать, особенно такого деловитого.

– Так ты не принимай. Я тебе давно говорю – ты мне не семья.

Он хмыкнул и меня отпустил.

Но Фая Витя тоже не понравился, с первого взгляда, правда, совсем по другой причине.

– Не орёл, – просто сказала она, а я засмеялась.

– И этот не орёл?

Она руками развела и повторила:

– Не орёл.

– И где мне взять орла?

– Глядя на твои мытарства, боюсь предположить, что они перевелись.

– Ну вот, – расстроилась я. – И что мне теперь делать?

– Брать то, что есть, и лепить то, что тебе надо.

– Значит, Витя подходит?

– Откуда же я знаю! Это ты должна решить. Нравится он тебе, тогда бери.

Я призадумалась, потом едва заметно усмехнулась.

– У меня не будет свекрови, это огромный плюс.

– С этим я спорить не буду, – рассмеялась Фая. – Вот моя вторая свекровь была настоящей ведьмой! Сейчас расскажу...

В общем, я всерьёз раздумывала о новом замужестве, не дожидаясь от Вити официального предложения. Хотя, в какой-то момент он засомневался, стоит ли идти на такие жертвы, я этот переломный момент почувствовала. Но и понять могла, он и так жил у меня, новые

родственники и их благословение у него появилось, я провожала его на работу и встречала вечерами с ужином и расстеленной постелью, и лишние телодвижения ему уже были не особо важны. Он даже пригласил меня на вечер в честь празднования Дня милиции, куда приходили обязательно с жёнами. Я особого энтузиазма не проявила, так что ему даже поуготоваривать меня пришлось. Я решила, что ничего страшного в этом нет, пусть привыкает заботиться обо мне в первую очередь.

Зато тем вечером всё и решилось. Я была мила и элегантна, я общалась с его друзьями и коллегами на равных, я очаровала его начальника и уходила с этого вечера вполне довольной собой, под руку с ошалевшим от такого успеха Витей.

– Хороший вечер, – похвалила я то ли себя, то ли его, то ли организаторов. – А я ещё сомневалась, стоит ли идти.

– Это ты была хороша, ой, как хороша, Ника.

– Ты не ожидал? – Я рассмеялась, но тут же посерьёзнела. – Я старалась, ты же просил.

– Просил, – согласился он. На постели сдвинулся и рукой по одеялу похлопал. – Иди ко мне.

Я волосы назад откинула и развязала пояс халата. Легла на кровать и позволила себя обнять. Витя меня целовал, потом голову поднял и посмотрел в глаза.

– Ты замуж за меня выйдешь?

Он делал всё в точности по моему плану. Даже скучно немного.

– Выйдешь?

Я погладила его по щеке.

– Я подумаю, Витя.

Секунду с непониманием глядел на меня, затем усмехнулся.

– Ну, подумай.

Он, видимо, решил, что я шучу или поддразниваю его, поэтому и тяну с прямым ответом. Поцеловал меня в губы.

– Подумай, милая.

Спустя два с половиной года брака, мне об этом было приятно вспоминать. Сейчас Витя превратился в жуткого карьериста, а я не спорила, даже помогала ему по мере сил. А что делать? Жить-то как-то надо, а на зарплату его ноги протянуть можно, особенно с молодой женой, особенно если взятки не брать. А он не брал, он лбом стены прошибал ради своего и моего благополучия. Получалось пока не особо, но я надеялась. И с Тосей я склонна была согласиться – всё в моей жизни хорошо, ничего другого не нужно, нет ничего другого, даже придумать не могу, чего ещё хочу. Денег побольше? Можно, конечно, так где их взять? Мужа другого? Так придётся всё сначала начинать, притираться, недостатки и дурные привычки выявлять, искоренять их или смиряться, а тут всё уже пройдено и успокоилась я. Муж у меня такой, что позавидуют многие. И денег для меня заработает, постарается, по крайней мере, и пожалеет, и полюбит лишний раз, только повод ему дай. Видный, в мундире красивом, со святыми его должности положенными, пробивной, не лентяй. Всё так, как я хотела. А то, что всё-таки бабником оказался, так я не ревнивая.

Не ревнивая я!..

– *В Париже купишь мне шляпку с вуалью*, – наставляла меня Фая, не на шутку загоревшись моей предстоящей командировкой во Францию. Я удивилась.

– Зачем тебе вуаль?

– Но это же шикарно, вид у меня загадочный будет.

Я рассмеялась и пообещала.

– Если хочешь вуаль, будет тебе вуаль. А ты мне дашь жемчужное ожерелье на один вечер, идёт?

– Намечается мероприятие? – Её глаза загорелись неподдельным интересом.

Я же скривилась.

– У Витиного начальника юбилей, нас в ресторан пригласили.

– Бери, – разрешила Фая. – И заодно намекни своему благоверному, что не мешало бы сделать тебе скромный подарок.

– Да ты с ума сошла. Откуда у него такие деньги?

– Вот пусть и подумает, где их заработать. А то только пыль в глаза пускать.

– Ладно, – я поднялась из-за стола и к Фае наклонилась, чтобы губами к её впалой щеке приложиться. – Пойду. Спасибо за чай.

– Не забудь, что в пятницу ко мне придёт нотариус, завещание составлять. Придёшь?

– Зачем?

– Вдруг я что-нибудь забуду?

– Тося напомнит. Она каждую лишнюю бусину знает.

Фая укоризненно качнула головой.

– Тебе совсем наплевать на старуху.

– Просто я не понимаю, зачем тебе ещё одно завещание. Ты сколько раз его составляла?

– Ничего, пригодится.

– Или тебе просто нравится нотариус? Как его зовут? Виталик?

Фая засмеялась.

– Побойся бога, несчастный молодой человек. Он меня боится и никогда со мной не спорит.

– Теперь понятно, почему безропотно раз за разом к тебе является. Всё, я ушла. – Ручкой тётке сделала, заглянула на кухню, чтобы с Тосей попрощаться и, наконец, квартиру покинула. Вышла на улицу и на голубое небо посмотрела. Ни одного облачка не наблюдалось, а солнце жарило вовсю, что заставило меня передумать по поводу прогулки. Прошла через двор, свернула в подворотню, и уже через пару минут оказалась на центральном проспекте. Замедлила шаг, раздумывая, не плюнуть ли на работу и не заняться ли шопингом, пусть и мелким, раз денег на большую радость всё равно не хватит. Но маленькая радость, это всё равно лучше, чем ничего, ведь так?

Но испортил всё Лёвушка, прервав мои мысли телефонным звонком.

– Так что, ты надумала?

– Ты такой быстрый, – поразила я. – Мне нужно с мужем поговорить.

– А что с ним говорить? Я же тебя не к чёрту на куличики отправляю, а в Париж. Сама подумай!

– Да я-то подумала уже, но... Жизнь семейная, она такая, Лёвушка, сам, наверное, понимаешь.

Он что-то забубнил в сторону, видимо, признавался, что понимает, как никто другой и сам себе сочувствует, а затем потребовал:

– На работу приезжай.

– Зачем? – вроде бы удивилась я, а Шильман оторопел от моей наглости.

– Я тебе зарплату плачу!

– Так нет же никого!

– Ника, не зли меня, приезжай.

Пришлось ехать. В офис я вошла с кислым видом, но тут же приказала себе взбодриться. Коллеги меня и так не особо жаловали, а всё из-за того, что Лёвушка принял меня на работу без всякого опыта и даже рекомендаций, и уж как-то слишком быстро ко мне проникся, совершенно неожиданно для всех (особенно, для его жены) и оттого, как многим казалось, несправедливо, записал в друзья, многое мне прощал и вообще всячески поощрял. Правда, я не напрашивалась, и даже глазки ему никогда не строила, в мыслях у меня такого коварства

не было. Но мне, конечно же, никто не верил. Когда я входила в его кабинет и дверь за собой закрывала, все были уверены, что знают, зачем я к нему пошла. Очередную поблажку зарабатывать. Даже его собственная секретарша, когда входила в кабинет и видела меня, сидящую в кресле, закинув ногу на ногу (дурацкая привычка, знаю!), лицо у неё сразу делалось каменное и суровое. И ведь бесполезно объяснять всем, что никакой я Лёвушке не друг, и ценит он меня не за красоту и не за сообразительность, а уж тем более не за ум (могу я себе польстить?), а за то, что я основной доход ему приношу, и дружить со мной ему попросту выгодно.

Я за свой стол присела и с тоской уставилась на экран компьютера, на котором красивые рыбки плавали. Дверь кабинета начальника хлопнула, все вздрогнули, разговоры стихли, а через пару секунд в зале появился Лёвушка, холённый до безобразия. Брильянтовая булавка на галстук сияла, а обширная лысина и начищенные ботинки блестели. И вообще он выглядел сегодня как-то по-особенному нарядно, я даже засмотрелась.

– О, ты пришла, – обрадовался он и поинтересовался: – Работаешь?

Я посмотрела на рыбок и подтвердила:

– Работаю.

– Отлично, отлично. – Глянул на притихших сотрудниц и ко мне наклонился, облокотившись на спинку моего кресла. – Кажется, Норманы нас собираются ещё раз посетить, уж очень им понравилось.

Я глаза закатила.

– Опять эти зануды?

– Что делать, Никуш, что делать. Работа у нас такая.

– А ты куда так вырядился?

– В театр сегодня идём с Галей. Вот...

Я усмехнулась.

– Помирились?

– Тише ты!

– Да ладно. Я же говорила, что так будет. Только ты на провокации не поддавайся.

Лёвушка заметно погрузнел.

– Думаешь, устроит мне на ночь скандалчик?

Я только плечами пожала и поддела его:

– Сам виноват.

Он спорить не стал. А вот Витя, которому я по глупости вечером проболталась о семейных проблемах Шильмана, отругал.

– Вот что ты лезешь? Разве это твоё дело?

– Так разве я лезу? Он совета попросил...

– А ты дала! Ты ведь у меня самая умная. Ты всем советы даёшь, даже мужу, который от жены загулял, а ты ему советы даёшь. Нельзя ведь так, Ника!

– Да почему? – я искренне недоумевала. – У нас с Лёвушкой хорошие отношения.

– Вот именно, у тебя со всеми мужиками вокруг хорошие отношения. Лучше бы подругу завела.

Я смотрела на него, потом ноги под себя поджала, вжавшись в кресло.

– У меня есть подруги, – возразила я.

– Правда? Ты Фаю имеешь в виду?

Я сложила руки на груди, с недовольством за мужем наблюдая. Он моих взглядов не замечал, или специально игнорировал, сидел за столом у окна, и бутерброд жевал, уткнувшись взглядом в газету.

– А что ты имеешь против Фаи?

Витя только усмехнулся.

– Да ничего. – Кинул на меня быстрый взгляд. – Ну, правда, ничего. Но подружка помоложе тоже бы пригодилась.

– Для чего? Витюш, ты заскучал что ли?

Жевать он перестал и вроде бы даже поперхнулся.

– Ты чего говоришь-то?

– Просто твоего интереса моими молодыми подругами не совсем понимаю.

– Я же о тебе беспокоюсь. Действует на тебя эта старуха со своими нравоучениями, неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Но что в этом плохого? Раньше ты не жаловался никогда.

Он руками на меня замахал.

– Всё, забудь. Что ты скандал на пустом месте раздуваешь?

Муж снова в газету уткнулся, а я на него смотрела и думала о том, что, если всё в моей жизни пойдёт по накатанной, то мне ещё много лет придётся наблюдать за тем, как он жуёт, а крошки на газету сыплются. И мало того, что наблюдать, а ещё что-то радостное для себя в этом находить. Это же мой муж.

Я заставила себя встряхнуться и с кресла поднялась. К Вите подошла и обняла его, прижавшись подбородком к его макушке. В газету его заглянула. А муж руку поднял и по плечу меня погладил.

– Соскучилась?

– Подари мне завтра цветы, – попросила я.

Он голову поднял и в подбородок меня ударил, я отстранилась.

– По поводу?

– Без повода, Вить. Просто подари.

– Ну, хорошо, подарю. – Улыбнулся, а я в ответ улыбнулась, хотя была уверена, что завтра он о своём обещании напрочь забудет.

– А на море поедem? Ты обещал.

Он всерьёз нахмурился.

– На море? Когда?

Я начала терять терпение.

– Летом, Витя. Ещё два месяца впереди. Выбери время.

– Если меня отпустят, то, конечно, поедem.

– Но тебя, конечно же, не отпустят.

Он улыбнулся.

– Это тоже хорошо.

– Кому как, знаешь ли. Мне от твоей незаменимости на работе пока ни горячо, ни холодно. – Настроение у меня пропало, я от мужа отошла, и пояс на халате развязала. – Я спать. А ты читай газету.

– Ника!

Халат упал на пол, я на мужа обернулась, а потом дверь спальни за собой закрыла. Витя появился через две минуты, а я в очередной раз вспомнила Фаины слова про скуку.

– Надо с этим что-то делать, – пробормотала я себе под нос, когда следующим утром перед зеркалом крутилась. Витя, как всегда, завтракал на ходу, бродя по квартире, собираясь и попутно с кем-то по телефону разговаривая. А я, привыкшая к такому, утром с ним за стол никогда не садилась, да и вообще предпочитала не завтракать, не загружая организм с утра раннего, если только чай выпивала и съедала мандарин или яблоко.

Приложила к себе жемчужное ожерелье, позаимствованное у Фаи, и боком повернулась, разглядывая себя в зеркало. Подбородок вздёрнула, чтобы лучше видно было.

– Сань, ты меня послушай, – муж в комнату вошёл, одной рукой мундир с вешалки сдёрнул и замер, – мне нужно постановление на обыск. Ну, так найди основания!.. Да почему

на пустом месте-то? Я не понимаю, мы что, с утра в другой стране проснулись? А где любимое: был бы человек, а статья найдётся? А уж на него на целый уголовный кодекс статей наберётся, а ты мне сказки рассказываешь. Так копай! Копай, Саня. И никакого подвоха. – Телефон выключил и сунул его в карман брюк. Посмотрел на меня. – Опять Фаины погремушки?

Я спокойно пожала плечами.

– Своих у меня пока нет. Ты не покупаешь.

Витя подошёл, в щёку меня поцеловал и пакостно улыбнулся.

– Зачем? Она тебе в наследство всё оставит, вот и будешь красоваться целыми днями.

– Какой же ты гад, а, – поразила я, а муж только рассмеялся.

– Почему? Я ведь без всякой надежды это говорю, Никуль. Знаю, что эта старуха всех нас переживёт. До вечера?

– А мне, между прочим, платье нужно новое! Для твоего начальника!

– Я попрошу у него денег! – пообещал Витка из прихожей, дверь хлопнула, а я улыбнулась.

Платье новое я купила через пару дней, сама, и даже денег у мужа не попросила, чем его, наверняка, порадовала. Когда вечером хвалилась, он, по крайней мере, сиял.

– А с жемчугом совершенно потрясюще смотрится, – заверила я его.

– Ты словно на приём собираешься.

– Что, не нравится? Снять?

Витя рассмеялся.

– Сними, я совсем не против.

– Вот так вот. А я старалась, выбирала. Между прочим, два рабочих дня потратила на магазины.

– Не сомневаюсь. Лёвушка разозлился?

– Конечно. Но я переживу. – Оглянулась через плечо. Муж на диване сидел, на меня поглядывал, причём с видимым удовольствием, и я решила, что благоприятный момент настал. Улыбнулась проникновенно и начала: – А меня в Париж зовут.

Его брови взлетели вверх, правда, взгляд был насмешливым.

– На неделю моды?

– Не смейся. Я серьёзно. На стажировку.

Улыбаться он перестал.

– Какую ещё стажировку?

– По работе, Вить, – немного нетерпеливо проговорила я. – У меня же основной язык – французский, вот и...

– Можно подумать, тебе есть в чём стажироваться. Историю нашего города ты и так на зубок заучила.

Я помрачнела.

– А может, я хочу большего?

– Меню в наших ресторанах ты тоже отлично знаешь.

– Витя!

– Ну что?

– Ты хоть понимаешь, что это такое – стажировка в Европе?

– Не совсем. Но ещё больше не понимаю, что ты там делать будешь. По-моему, всё что нужно, ты знаешь.

– Это по-твоему.

– Ты хочешь поехать?

– А почему нет? Это же интересно.

– Понятно.

Я к нему повернулась, и руки на груди сложила.

– Ну что тебе понятно?

– И надолго это?

Я помедлила с ответом.

– На пару месяцев.

– Сколько?!

– Ну а ты как думал?

– Я вообще никак не думал. Никуда ты не поедешь.

– Нет, поеду. – Я сурово сдвинула брови и на мужа уставилась. – Мне это нужно.

– Что тебе нужно? От меня отдохнуть?

– Если ты будешь так себя вести, то – да!

– Ах, вот как ты заговорила!

– Это ты так заговорил!

– А я сказал, что не поедешь, Ника. И Лёвушке твоему я башку откручу, раз он ей всё равно не пользуется, чтобы ерундой всякой голову тебе не забивал. Я всё сказал.

Он с дивана поднялся, ушёл в спальню и даже дверью хлопнул, а я осталась стоять перед зеркалом в новом платье, расстроенная и растерянная, подумала немного, кончик носа потёрла и заревела. В общем, обиделась. Обиделась настолько, что до самой пятницы с мужем не разговаривала, а если и снисходила до этого, то отделялась односложными ответами и тут же отворачивалась. Надеюсь, что хоть так Витьку проймёт, и он смягчится, поймёт, что не прав и сменит гнев на милость. Но он тоже упрямец редкостный и на этот раз мириться со мной не спешил, видимо, искренне считал, что прав он и сдавать свои позиции не собирался, а уж тем более прощения у меня просить и на отъезд благословлять. Вот и получилось, что на юбилей к его начальнику мы пришли друг на друга обиженные, но от этого не менее торжественные и нарядные. Как только в видимости юбиляра и его жены оказались, дружно заулыбались, а я даже Витьку под руку подхватила, как примерная жена.

– Борис Владимирович, от души поздравляю! – Я старательно улыбалась, протянула супруге Асадова букет цветов, а Витя коробку с подарком вручил, пожал начальнику руку.

– Поздравляю.

– Вы проходите, проходите, – засуетилась Ирина Николаевна, и мы все вместе зашагали к центральному столу, за которым уже сидели люди, и, по всей видимости, ждали только нас, запоздавших. А всё Витькина работа дурацкая!

Не смотря на свой пост ярого борца за справедливость и извечную тягу к обсуждению проблем борьбы с коррупцией во власти, юбилей свой Асадов отмечал не дома и не на даче в беседке под яблонями, а в одном из лучших ресторанов города, в «Золотом дожде». Огромный развлекательный комплекс, и ресторан на первом этаже, пользовались в нашем городе большой популярностью, отметить в банкетном зале юбилей или свадьбу, а хоть бы и просто провести здесь вечер, считалось особым шиком, цены здесь впечатляли. Здесь в любой вечер можно было встретить дам в вечерних платьях, обвешенных драгоценностями, что в нашем, по столичным меркам, небольшом городке, уже само по себе удивительно. Теперь, надеюсь, понимаете, почему я так старалась? Не хотелось ударить в грязь лицом. Поэтому и ожерелье у Фаи выпросила, хотя могла бы и бижутерией своей вполне обойтись, но, но... В общем, мне хотелось прийти сюда и чувствовать себя королевой, а не оглядываться исподтишка по сторонам, оценивая чужие бриллианты. Правда, кухня тут не очень, но я ведь не есть сюда пришла? А пустить пыль в глаза тем, кто собирался пустить её мне. Око за око, в общем.

В «Золотом дожде» я до этого бывала всего пару раз. Муж не мог себе позволить меня сюда приводить, не по его зарплате это было, Фаю не любила суету фальшивую, а мои иностранные «гости», по большей своей части, деньги предпочитали экономить, и рестораны выбирали попроще. Поэтому к сегодняшнему вечеру я готовилась очень тщательно. Конечно, перспектива провести вечер, улыбаясь товарищам мужа по оружию и их жёнам, не особо вдохновляла,

но когда узнала, где Асадов отмечать своё пятидесятилетие собирается, взбодрилась. И теперь с интересом оглядывалась и даже забыла, что на мужа обижаюсь. А Витька, как всегда, сиял и меня за плечи рукой приобнимал, улыбался, речь начальства выслушивая. И кивнул сурово, когда Асадов заговорил о долге и чести. Я осторожно оглядела сидящих за столом, отметила одинаковое каменное выражение, появившееся на мужских лицах, и глаза закатила. Никак не могла дожидаться окончания тоста. А тут ещё минута молчания повисла. И если бы не грохнувшая со стороны сцены музыка, всё, на самом деле, было бы очень проникновенно. Как музыка заиграла, Витя нахмурился и даже со стула приподнялся, наверное, разбираться решил идти, я с тоской за ним наблюдала, но Борис Владимирович благосклонно махнул рукой, рюмку водки в себя опрокинул и сказал:

– Мы пришли отдохнуть, вот и давайте отдохнём. А то, о чём я говорил... Мы каждый день об этом помним, мужики.

Я в свой бокал с вином заглянула, а когда взгляд Ирины Николаевны на себе поймала, тут же заулыбалась.

– Интересно, сколько денег они за этот банкет отвалили? – проговорила я мужу на ухо, когда он меня танцевать вытащил. Он танцевать со мной любил, хотя, двигался ужасно и попросту красовался посреди зала со мной в обнимку, но дело это любил. Вот и сейчас то в одну сторону меня поворачивал, то в другую, так сказать, демонстрируя товар лицом, потом к себе прижал и в ухо мне засопел. А когда я свой дурацкий вопрос задала, отодвинулся немного и посмотрел недовольно.

– Вот что ты за человек? Всё деньги считаешь. У человека такая дата...

– Вот именно. А тебе через год тридцать пять. Нам что, тоже всех твоих здесь поить?

– Ник, замолчи, а?

Я замолчала. Целую минуту молчала, потом ладонь на его плечо пристроила и повторила:

– Всё-таки это странно. Откуда столько денег? – На Витьку взглянула с подозрением. – Или я чего-то не знаю?

– Может, они копили?

– Ну конечно, чтобы вас напоить они копили.

– Ты на что сейчас намекаешь?

– Да ни на что. Просто любопытно.

– Сказал бы я тебе!..

– Не надо. – Я узел его галстука подтянула и по плечу любимого похлопала, улыбнулась, глядя в глаза. – Замечательный вечер. Вернёмся за стол? Нас, кажется, ждут.

Он сверлил меня недовольным взглядом, даже прищурился, но потом повёл меня к столу. Я поняла, что лишнего ему наговорила и расстроилась. Вот кто меня за язык тянул, спрашивается? Вечно со своими размышлениями впросак попадаю, особенно с Витькой. Он ведь такой патриот, верит в справедливость и в то, что за неё сражается каждый день, а я со своими меркантильными мыслишками частенько ему всё порчу.

Зал ресторана был полон, все столики заняты, официанты сновали туда-сюда с подносами в руках, и только улыбаться всем успевали, и с каждым часом улыбки их становились всё более натянутыми. Музыка играла, на сцене появилась молодая певица и микрофон обняла, замерла, окидывая зал томным взглядом и, видимо, ожидая, что все тут же заткнутся, увидев её, и жевать прекратят. Я тоже зал оглядела, даже интересно стало, проникнется кто-нибудь её появлением или нет, а когда она запела, поняла, что она трезво оценивает свои шансы и чуда не ждёт. За нашим столом веселье также шло по нарастающей, мужики расслабились, голоса зазвучали громче и увереннее, а женщины зашептались между собой. Мне шептаться было не с кем, улыбаться надоело, и я заскучала немного. Бокал с вином в руке крутила, по сторонам поглядывала и на тосты, произносимые суровыми командирскими голосами, не реагировала. Ожерелье на моей шее никто не оценил, платье отметили, но радости от этого мало, раз вместе

с мужскими взглядами мне достались и женские, а они особо радушными и восторженными не были. Так что, радости от вечера никакой, скулы от улыбок постоянных сводит, вино уже в меня не лезет, а танцевать с Витькой я больше не пойду ни за что, он мне и так на ногу наступил, а моим бархатным туфлям такое противопоказано.

– Я ненадолго, – шепнула я мужу на ухо. Он посмотрел с недоумением, а я сделала страшные глаза и поднялась. Витя расслабился и снова к дружку повернулся, выслушивая какую-то очередную байку.

Пока через зал шла, заметила пару заинтересованных взглядов, обращённых ко мне, отделалась ничего не значащей улыбкой, а в дверях, прежде чем выйти, оглянулась на свой стол. Что сказать, компания в милицейских мундирах за самым большим столом посреди зала, смотрелась весьма колоритно. Казалось, что всё вокруг них вертится. Официанты все до единого оглядывались на них, другие посетители вроде как нервничали и вести себя старались поосторожнее. И радости от их (точнее, нашего присутствия, я же тоже с ними) никто не испытывал.

– Не всякой женщине так идёт белый цвет, – проговорил кто-то за моим плечом.

Я от неожиданности подпрыгнула, повернулась и столкнулась взглядом с мужчиной, который разглядывал меня с нескрываемым интересом. Стоял от меня буквально в шаге и разглядывал, скользя взглядом по моему лицу. Заметил ожерелье и улыбнулся.

– Добрый вечер.

– Добрый, – сказала я в ответ и показательно нахмурилась. Ни толики приветливости не проявила. Хотя, могла бы. Он так смотрел на меня, жадно, а глаза хитрые-хитрые. Красивые глаза, надо отметить. Тёмные, чёрные почти, как ночь, подумалось мне. Не знаю, что на меня нашло, но я тоже любопытство проявила, большее, чем следовало бы, и разглядывать его принялась. Но это уже когда взгляд его меня отпустил. Словно это он позволил мне его порасматривать чуть-чуть. И широкий лоб, нос с явной горбинкой, видно сломанный, и не раз, небольшой шрам на скуле, побелевший с годами, губы, насмешливо кривившиеся и твёрдые. Я к глазам его вернулась, откровенную насмешку заметила и вдруг смутилась. Неожиданно поняла, что стою по-прежнему в дверях и весь этот досмотр, который он мне позволил, не что иное, как моё простофильство. Я войти в ресторан ему мешаю, вот он на меня и тарашится. Глаза опустила и посторонилась. – Извините.

– Да ничего.

И всё равно смотрит! Я шаг в сторону сделала, и он. Я совершенно по-дурацки снова пробормотала слова извинения, и только после следующего маневра, но уже в другую сторону, поняла, что теперь он меня пропускать не торопится. Голову подняла и взглянула достаточно строго.

– В чём дело?

– Ни в чём. Вы мне мешаете.

– Я вам мешаю? – поразилась я.

Он улыбнулся, совершенно открыто, а я замерла с открытым ртом. И пока соображала, отчего так сердце вниз ухнуло, мужчина уже потерял ко мне всякий интерес, меня аккуратно обогнул, вошёл в зал, а я осталась стоять. Дура душой. Рука сама собой поднялась к шее, и пальцы затеребили жемчуг. Через плечо оглянулась, но никого не увидела.

– Разрешите, – ворчливо проговорил кто-то, я снова посторонилась, пропуская людей, и тут уже кинулась по коридору.

– Что-то не так? – шепнул мне муж, когда я за стол вернулась. Я взгляд на его лице задержала, оценила помутневший взгляд и нездоровый румянец на щеках, и заставила себя улыбнуться ему.

– Нет.

– Ты покраснелась.

– И я тоже?

Он усмехнулся.

– Почему тоже?

Я в щёку его поцеловала.

– Сам знаешь.

Витя за плечи меня приобнял и к себе притянул. Я к плечу его прижалась, улыbnулась сидящим за столом людям, а потом быстрым ищущим взглядом окинула зал. Сама не знаю, зачем это сделала.

Окончания вечера едва дождалась. Разговоры за столом шли для меня неинтересные, к тому же я лишь вино потягивала, а остальные веселиться желали и на алкоголь налегали, что меня совсем не радовало. Совсем тошно стало после того, как Асадов в третий раз поинтересовался, когда мы с Витенькой собираемся детей рожать.

– С этим делом тянуть нельзя, – поучал он, а муж мой, олух царя небесного, согласно кивал.

Я с неудовольствием за ним наблюдала, пока не поняла, что сама являюсь объектом наблюдения, и моё выражение лица расценено верно, а мне это совсем не нужно. Я мужа по щеке потрепала, а на начальника его взглянула смущённо.

– Хорошая у тебя жена, Вить, красавица, – признавался Борис Владимирович уже на стоянке. – Повезло тебе.

– Боря, пойдём. – Ирина Николаевна его за руку тянула и на меня поглядывала. Не знаю, чего она от меня ждала, но я спокойно стояла, дожидаясь, когда эти пьяные признания, наконец, закончатся. Мой муж любимый тоже на ногах держался не совсем крепко, мне приходилось не просто под руку его держать, а самым натуральным образом его поддерживать, но Асадов, вцепившийся в него с другой стороны, отпускать нас не торопился.

– Боря, такси ждёт, – повторила его супруга.

– Идём уже. Вить, ты понял?

– Всё отлично, – не к месту ляпнул Витя, и я с тревогой заглянула ему в лицо.

– Ты как? – спросила я, когда мы вдвоём остались.

Он глубоко вздохнул и признался:

– Хорошо.

Я решила усомниться.

– По тебе не скажешь. Вот зачем ты так напился?

– Да я же не пил, Никуль. Я компанию поддерживал.

– Плохая компания, значит.

– А вот этого не надо. Это знаешь, какие ребята?..

Я только рукой махнула.

– Знаю я твоих ребят. – Головой повертела. – Где уже такси? У меня рука сейчас отвалится тебя держать.

– Давай я тебя подержу? – Он меня ручищами своими обхватил, а я захохотала.

– Отпусти, мы же упадём!

Витька лбом в моё плечо ткнулся и засопел. Я его толкнула.

– Витя! Не вздумай уснуть.

Он тут же выпрямился и даже как-то взбодрился.

– Не сплю, любимая.

– Ничего себе, – подивилась я признанию. – Это на тебя алкоголь так подействовал?

– Это ты на меня так подействовала. Мужики все головы посворачивали.

– Я старалась.

– Умница. – Он ко мне наклонился, хотел в губы поцеловать, но я увернулась, и поцелуй пришёлся как раз на щёку.

– Я знаю, – тихо отозвалась я и обрадовалась, заметив подъезжающую машину. Стоять на крыльце мне уже порядком надоело.

Витя мундир свой покрепче под мышкой зажал и по лестнице начал спускаться. А потом вдруг остановился, уставившись куда-то. Я впала в лёгкое раздражение.

– Ну что? – Голову в ту же сторону повернула, но кроме ровного ряда припаркованных машин, ничего не увидела. – Куда ты смотришь?

Смотрел он на машины, сомнения не было, и что-то интересное для себя там видел. Потом огляделся, мне даже показалось, что как-то в один момент протрезвел и насторожился, наконец головой мотнул, и дверь машины распахнул, пропуская меня вперёд.

– Ничего. Поехали.

– В общем, он запретил.

Лёвушка ручку отложил, и очки на нос сдвинул, глядя на меня.

– Он дурак?

Я руку в бок упёрла.

– Не надо наговаривать на моего мужа.

– Да что я наговариваю? Ник, он тебя в Париж не отпускает? За мой счёт?

– Ему трудно со мной расстаться, – выдала я главный довод, а Шильман только усмехнулся.

– Брось. Вот если бы моя уехала на два месяца...

В этом месте можно было обидеться, но я только посоветовала:

– Вот её и отправь.

– Чтобы она все деньги в магазинах спустила? – Он безнадежно махнул рукой, а потом вернулся к прежней теме. – У тебя ещё есть время, поговори с ним. Может, одумается.

– Может, – не стала я спорить и на стул присела. – Лёва, я очень хочу поехать.

– Так я не сомневаюсь. И я хочу. Все хотят. Кроме твоего майора.

Я улыбнулась.

– Он тоже хочет. Не хочет, чтобы ехала я.

– Вообще-то, я могу его понять, – хмыкнул вдруг Лёвушка, а я нахмурилась.

– Почему это?

Он расхохотался.

– А вдруг не вернёшься?

– Да ну тебя, – обиделась я и обернулась, когда в дверь постучали, и заглянула секретарша.

– Лев Константинович, к вам посетитель, – сообщила она и очень выразительно взглянула на меня. Я даже спорить не стала и поднялась.

– Пойду.

Лёва глаза на меня поднял.

– Ты только не тяни. С ответом, в смысле. Поговори с ним.

– Поговорю, поговорю. – Пошла к двери, посторонилась, когда Лена дверь перед посетителем распахнула. Вежливую улыбку на лицо нацепила, так, на всякий случай, а она медленно стекла, когда я гостя увидела.

– Добрый день.

Лёвушка из-за стола выскочил, навстречу, руку протянул в знак приветствия, а я продолжала стоять и наблюдать. Тёмный взгляд, остановившийся на моём лице несколько секунд назад, обратился к Шильману, а я моргнула, чувствуя странное оцепенение.

– Кирилл Александрович, – разувлыбался Лёвушка и кинул на меня недоумённый взгляд. – Очень рад вас видеть. Я вам для чего-то понадобился?

– Понадобился, Лев Константинович. – И тоже улыбнулся, правда, улыбка вышла достаточно скупой. Поднял руку, лацкан пиджака одёрнул, а я заметила, как на манжете рубашки блеснула запонка. И снова взглянул на меня, взгляд стал пытливым. – Сотрудница твоя?

– А-а, да. – Лёва деловито покивал. – Собственно... Вероника Арзаус, переводчик.

– Очень приятно. Кирилл, – сказал он и руку мне протянул.

– Ника, – шикнул на меня Шильман, а я Кириллу Александровичу руку протянула в ответ.

– И мне, приятно.

Он развеселился. Смотрел на меня, улыбался едва заметно, а вот глаза смеялись. Ладонь мою пожал, а я внутренне сжалась неизвестно от чего. Очень захотелось уйти, от его взгляда подальше.

Кирилл, значит. Александрович.

Из кабинета начальника я вышла на ватных ногах, до своего рабочего места добралась и в кресло рухнула. Уставилась на тёмный экран компьютера.

Вот так встреча, неожиданная.

– Ника, проспекты по «Уютному дворику» у тебя? Ника!

Я на кресле развернулась, посмотрела на девушку, что работала через стол от меня, секунду соображала, потом кивнула.

– У меня, Свет, сейчас. – В стопке журналов отыскала нужную папку и ей протянула. Потом на стуле откинулась, закинула ногу на ногу, а руки на груди сложила. И снова в монитор взглядом упёрлась.

Кирилл Александрович. Вчера мы встретились в «Золотом дожде», он меня долго разглядывал и, кажется, даже заигрывать пытался, а сегодня явился к нам в офис с какой-то неопределённой целью. Странное совпадение. А ещё более странно то, что я перед ним робею. Он как уставится на меня своими глазами тёмными, так внутри всё леденеет. Незнакомое ощущение. И не могу сказать, что я волнуюсь или он меня заинтересовал хоть чем-то, но кровь по венам быстрее начинает бежать. Словно я опасность чувствую.

Руку подняла и на пальчики свои посмотрела, маникюр оценивая.

Хотя, мужчина он интересный. Вид такой самодовольный имеет, губы насмешливо кривятся, оглядывается по сторонам так, словно оценивает и прикидывает, нужно ли ему всё это, а если нужно, то непременно купит, его материальная состоятельность вперёд него в двери вбегает, чтобы всем сообщить, что хозяин идёт. Но что мне в нём определённо нравится, его манера одеваться. Кирилл Александрович носил дорогие костюмы, накрахмаленные рубашки и даже запонки. Надо признать, что мужчину с запонками я видела впервые в жизни, это произвело на меня определённое впечатление. И держался очень непринуждённо. Если мой муж, затянув на шею галстук, потел и выглядел напыщенным (если это, конечно же, был не милицкий мундир), то Кирилл Александрович лишь независимо поводит плечами и собой, по всей видимости, гордился. Но всё это лишь интриговало, а леденеть заставлял именно его взгляд, который пытался проникнуть намного дальше, чем следовало. Всё разглядеть во мне пытался что-то. Неизвестно для чего.

Или у него такая манера с женщинами знакомиться?

– Я постараюсь помочь, Кирилл Александрович. – Лёвушка вместе с гостем из кабинета вышел, а я на часы взглянула. Недолго они разговаривали, минут десять всего. – Как можно скорее.

– Очень благодарен буду. Если сможешь помочь.

– Это наша работа – иностранных гостей развлекать.

Я, признаться, удивилась. Развлекать?

– Всего хорошего, Кирилл Александрович.

Я не оборачивалась, сидела в кресле в прежней позе, в окно смотрела, а потом на сотрудников внимание обратила. Как они из-за своих столов выглядывали, чтобы посетителя как следует разглядеть. Между собой многозначительно переглядывались.

Я всё ждала, когда услышу тяжёлые шаги, как дверь хлопнет, за Кириллом закрываясь, и я, наконец, смогу до Лёвушки добраться и любопытство своё удовлетворить, а вместо этого услышала повторное прощание Шильмана, а потом Света, что за проспектами ко мне подходила, на свой стул поспешно опустилась и в бумаги свои уткнулась. Я голову осторожно повернула, чтобы в мониторе увидеть отражение своего начальника и его гостя, и понять, что же происходит, и от неожиданности дёрнулась, когда над самым ухом проговорили:

– Красный цвет тебе тоже идёт. Удивительное дело.

Я голову назад закинула, чтобы на Кирилла Александровича посмотреть, но ему это, видимо, без надобности было. Реакции моей он не ждал. Я взглядом его проводила, смотрела ему в спину, пока он за дверь не вышел. В офисе повисла тишина, на меня опять смотрели с претензией, а я на кресле развернулась и на Лёвушку взглянула. Тот ухмылялся. Ко мне приблизился, на сотрудников взглянул, те тут же начали изображать бурную деятельность, а Шильман ко мне наклонился.

– Ника, – протянул Лёвушка.

Я же пребывала в задумчивости.

– Кто он?

Лёва на спинку моего кресла облокотился.

– Филин.

Я посмотрела удивлённо.

– Кто?

– Филин. Кирилл Александрович Филин. Слышала о таком?

Я головой покачала.

– Нет. А должна была?

– Да откуда же я знаю?

– А кто он такой, Лёва?

– А вот об этом ты у мужа своего поинтересуйся. Ему лучше знать.

У мужа я поинтересовалась, хотя сделала это зря, но поняла свой промах поздно. Витя сразу помрачнел, как имя Филина услышал, а на меня уставился с подозрением.

– А ты откуда его знаешь?

– Да не откуда, – тут же пошла я наопиятную. – Он сегодня к Лёвушке приходил, вот мне и стало любопытно. – Широко улыбнулась. – Лёва так перед ним прыгал! Вить, кто он такой?

– Не зачем тебе это знать.

Я непонимающе нахмурилась.

– Почему? – И замерла, изумлённо на мужа уставившись. – Он преступник, да?

Витька только пренебрежительно скривился.

– Да какой он преступник? Так... ловкач.

– А-а... – протянула я, хотя совсем ничего не поняла. Ловкач – это что? Точнее, кто? Это жаргон, что ли?

– А к Шильману он зачем приходил?

Я плечами пожала.

– Я не знаю.

– Ника!

– Да что ты кричишь на меня? Я, правда, не знаю. Они поговорили минут десять в кабинете, а потом он ушёл. Филин, в смысле. А Филин – это прозвище?

– Фамилия это такая.

Я в задумчивости усмехнулась.

– Надо же.

Муж рядом со мной остановился, и разглядывать меня принялся. Затем поинтересовался:

– О чём ты думаешь?

Я глаза на него подняла.

– О фамилии его. Смешная.

Витька кивнул, не спуская с меня сурового взгляда.

– Смешная. Да не очень. Ника, зачем он к нему приходил?

– Да что ты пристал? Не знаю я!

– И Лёва тебе не рассказал? Очень странно.

– Может, он вообще не по делу приходил, а так... Поболтать.

– С Лёвой?

Я разозлилась.

– Всё, отстань. Дёрнул меня кто-то язык у тебя спросить.

– Держись от него подальше, – посоветовал Витька. – Поняла? А у Лёвы поинтересуйся, зачем он приходил.

Муж от меня отошёл, а я с насмешкой на его затылок уставилась.

– Так мне подальше от него держаться или Лёвухе допрос устроить? Ты уж определись.

– Держись подальше. – Помолчал и добавил: – Просто странно. Что ему от Шильмана могло понадобиться?

– Понятия не имею, – отозвалась я и в телевизор уставилась.

– А всё-таки, кто он такой? – спросила я Лёвуху на следующий день. Если честно, с трудом утра дождалась. Любопытство моё муж не удовлетворил, только больше его раззадорил, а потом уснул спокойно, а я полночи ворочалась с боку на бок и о Филине Кирилле Александровиче раздумывала. Не понятно почему. Очень меня интересовало, почему Витька его с таким пренебрежением ловкачом называл.

– Я же сказал, спроси у Витьки, – отмахнулся от меня Шильман, а я грозно на него надвинулась.

– Я спросила. А он весь вечер зудел, чтобы я от этого типа подальше держалась.

– Да? – крайне заинтересовался Лёвуха. – И что?

– И ничего. У тебя вот спрашиваю.

– Зачем? Держись подальше, как благоверный советовал.

– Лёва, не зли меня. Что это за тайна, покрытая мраком? Он бандит, что ли?

Лёва на стуле откинулся, глазки вниз опустил, на пузико своё выпятившееся поглядывая с крайним неудовольствием, затем руками развёл.

– Слухи разные ходят. Я думаю, что не без основания. В общем, всё, что о Филине известно достоверно, так это то, что он владелец ресторана, а всё остальное мраком покрыто.

Я губы поджала, разочарованно.

– Ресторана? О Боже, а туману напустили сколько...

Лёва кивнул.

– Да. Он «Пескарями» владеет.

Мои брови заинтересованно взлетели вверх.

– «Три пескаря» его? Да ладно!

Шильман рассмеялся.

– А глазки-то загорелись. Ты чего, Никуль?

Я медленно опустила на стул и усмехнулась.

– Очень интересно.

«Три пескаря», ресторан со странным, сказочным названием, имел в нашем городе большую и дурную славу. Посещать его осмеливались не все законопослушные граждане,

но от этого он становился ещё более привлекательным и загадочным заведением. Располагался в самом центре города, броской вывески и рекламы не имел, лишь дверь резная и странная вывеска в виде неприглядной рыбины, которая вечерами начинала огромными выпученными глазами моргать. Не зная, что за резными дверями ресторан, можно было спокойно пройти мимо, над рыбиной похихикать, как делали многочисленные туристы, гулявшие каждый день по центру города, и никогда не узнать, что же за всем этим скрывается. Лично я в «Трёх пескарях» никогда не бывала, а Витька всегда отзывался об этом ресторане, как о бандитском логове и никак иначе. За последние несколько лет в городских криминальных новостях упоминание сего заведения звучало не раз, но видимо доказать ничего так и не смогли, и ресторан до сих пор работал, а судя по внешнему виду и довольному блеску в глазах его хозяина, и процветал.

– Он тебя заинтересовал? – спросил Лёва, глядя на меня с непонятным для меня восторгом.

Я моргнула.

– Ты с ума сошёл? Я замужняя женщина.

Он с умным видом покивал.

– Ну да, ну да.

Когда я из кабинета вышла, Лёвина секретарша встретила меня язвительным взглядом.

– Ника, тебе подарочек принесли.

Я непонимающе вздёрнула одну бровь, а Лена указала на мой стол.

– Курьер принёс.

– Красиво, – вздохнула Света, букет разглядывая.

Я к своему столу приблизилась и осторожно прикоснулась к едва распустившейся розе. Цветы оглядела, пытаясь прикинуть, сколько их в букете. Штук тридцать, не меньше. Белые и красные розы. Смотрятся шикарно.

– Курьер принёс? – переспросила я, а вместо ответа получила ехидный вопрос:

– Мужу зарплату прибавили?

– Должно быть так, – пробормотала я.

– Ого, цветочки, – хмыкнул Шильман, появляясь из своего кабинета. – От кого?

Я на него обернулась, задумчиво взглянула, а после сообщила:

– Я иду на обед.

– До обеда ещё два часа.

– У меня новая диета. Ем часто, но по малу.

– То есть, теперь у тебя будет два обеденных перерыва? – невинно взглянув на шефа, поинтересовалась Света.

Я не сочла нужным отвечать на это. Сумку взяла, на букет ещё разок взглянула и заторопилась к выходу.

В центре города царила привычная суeta. Я прошла мимо кафе, в котором обычно обедаю, мимо нового торгового центра, не взглянув ни на одну витрину, а остановившись у пешеходного перехода, в ожидании, когда загорится зелёный свет, призадумалась, что же я делаю. Уже понятно, что ноги сами меня несут в центральный парк, но совсем не гулять. Я прошла по аллее прогулочным шагом, по сторонам поглядывала, а дойдя до смотровой площадки, поднялась по ступеням и остановилась, лишь мельком глянув на группку японских туристов, которые что-то рьяно обсуждали между собой и без конца щёлкали затворами фотоаппаратов.

С высоты смотровой площадки, если повернуться спиной ко всем красотам, которые с неё открывались, была отлично видна примыкающая к парку улочка, здание краеведческого музея у самой дороги, а дальше ряд домов старой постройки, им было не меньше ста пятидесяти лет. И над дверью следующего за музеем здания злосчастная рыбина и висела. Я не была уверена, что правильно поступила, придя сюда, но ноги сами принесли, как магнитом сюда притянуло. Ведь в данный момент Филин мог находиться где-то здесь. А меня очень инте-

ресовало, зачем он прислал мне цветы. Неужели на самом деле решил за мной приударить? Довольно глупо с его стороны, особенно, если он в курсе, что я замужем и кто мой муж.

Но дело даже не в этом. Возможно, ему и захотелось поиграться, он мужчина видный, такие любят перед красивой женщиной хвост распушить и пустить пыль в глаза, это всё понятно, но я-то сюда зачем пришла? В букете даже записки не было, он меня не приглашал и не потрудился сообщить, что цветы от него, я сама догадалась. Или на это и был расчёт? А я у него на поводу пошла. И вообще, веду себя непонятно. Чем он меня зацепил? Взглядом своим, который я только вспомню, так мурашки бегут? На меня часто смотрели мужчины, окидывали откровенными взглядами, а некоторые, особо неприятные, глазами практически раздевали, а вот Филин смотрел по-другому, он что-то иное во мне высматривал, и это меня не то чтобы взволновало, скорее обеспокоило. Что-то ему от меня нужно было, и мне стало интересно, что именно.

Со смотровой площадки я спустилась, прошла мимо собора, любуясь на пёстрые клумбы, а потом устроилась на скамейке, под липами, прямо напротив «Трёх пескарей». За кованым забором парка, слева, пролегалась центральная дорога, машины проносились одна за другой, а я сидела в одиночестве и слушала, как над головой липы шумят. Огляделась по сторонам, надеясь, что ко мне никто не пожелает присоединиться, и на часы взглянула.

Через полчаса бессмысленного сидения, я задалась вопросом, для чего я это делаю. Что высидеть собираюсь? Смотрю на эту рыбину, а она, как дохлая, что и не удивительно, раз на часах полдень. На улочке вообще ни души, за полчаса одна машина проехала, да и та у здания городского телевидения остановилась только на минуту, высадив неряшливо одетого молодого человека. А вот к резным дверям ресторана никто не подходил и не подъезжал. Возможно, там вообще никого нет, все отдыхают после ночной работы.

Не зная, чем себя занять, достала из сумки зеркальце, открыла и принялась отражение своё изучать. А когда услышала шум шин подъезжающей машины, на дорогу посмотрела. Чёрный «Лексус» плавно притормозил напротив ресторана, и прошла минута, прежде чем дверь со стороны водителя открылась, и появился не кто иной, как Кирилл Александрович. Костюм на нём был вчерашний, зато рубашка небесно-голубая. Он поигрывал брелком сигнализации, кнопку нажал, машина едва слышно пискнула, моргнула фарами, а Филин решительным шагом направился к дверям ресторана. Остановился, ожидая, когда ему откроют, и принялся по сторонам оглядываться. Я тут же вернулась к созерцанию своего отражения, чёлку поправила, а когда снова рискнула глаза поднять, поняла, что Кирилл по-прежнему стоит перед дверями ресторана, на меня смотрит и улыбается. Правда, уже не в одиночестве. За его плечом высился молодой человек в тёмном костюме, на лице абсолютно непроницаемое выражение, и только кивал, слушая Филина. Охранник, по всей видимости, решила я. Если честно, засмотрелась. Кирилл Александрович и сам впечатление производил, и высок и в плечах широк, но рядом с охранником несколько терялся, даже ростом казался ниже.

Поняв, что мой интерес к ним замечен, я зеркальце убрала в сумку, но прежде чем успела со скамейки подняться, увидела, что Филин уже направляется ко мне и осталась сидеть, решив, что сбежать глупо. Кирилл легко перемахнул через невысокий бордюрчик, по подстриженному газону прошагал и уже через минуту оказался рядом со мной. При этом улыбался так, что у меня внутри поневоле всё начало узлом закручиваться. Смотрела на него, отметила лёгкую небритость, опасную ухмылку, огонь в глазах и затосковала, если честно, покаявшись, что пришла сюда, не задумавшись о возможных неприятностях.

– Привет, – сказал он, разглядывая меня. – Ты ко мне?

Я попыталась изобразить удивление.

– У меня обеденный перерыв, я сижу на лавочке в парке. Из чего следует, что я пришла к вам?

Кирилл хмыкнул, руки в карманы брюк сунул, а я, по дурости своей, уставилась на пряжку его ремня, заблестевшую на солнце.

– Но я всё равно рад тебя видеть. Цветы понравились?

Я сдержанно кивнула.

– Красивые. Спасибо. А по какому поводу?

– Никогда не искал повод, чтобы подарить красивой женщине цветы. – К этому моменту его взгляд пропутешествовал от моего лица вниз, до коленей. Филин, судя по всему, увиденным остался доволен, и присел рядом со мной на скамейку. Я от него отодвинулась. – Пообедала уже?

– Да, – соврала я.

– Жаль. Вероника...

Я посмотрела на него, тут же насторожившись.

– Что?

Он улыбнулся.

– Ничего. Мне имя твоё нравится.

Я в его лицо вглядывалась.

– Что вам нужно от меня?

– Ты красивая. – Его взгляд скользнул по моим волосам. – Ты красишься?

Улыбочка у меня вышла немного мстительная.

– Зачем? Меня и так всё устраивает.

Кирилл рассмеялся.

– Правильно. – Кивнул, подтверждая свои слова. – Красивая.

– Я замужем, – сообщила я ему, надеясь хоть так с него спесь сбить. Но Филин совсем не впечатлился.

– Знаю, знаю. Ты замужем за Арзаусом.

– Вы знакомы?

– Немного. По работе.

– Как я понимаю, по его работе?

Кирилл окончательно развеселился.

– Что, выпрашивала у него про меня?

Стыдно стало невероятно. Отвернулась от него и на вывеску снова уставилась.

– Признавайся, – потребовал он и вдруг пальцем коснулся моей щеки. Я дёрнулась и испуганно посмотрела.

– Руки убери.

Филин спорить не стал.

– Уже убрал. – Потом головой покачал, усмехаясь. – И за что майору такая жена досталась?

– Глупый вопрос. – Решительно поднялась. – Я пойду.

– Уже? – Он вроде бы расстроился, но улыбочка пакостная словно приклеилась к его губам. – А зачем приходила-то, Ник?

– Себя показать, – разозлилась я на его фамильярность. – Чтобы ты ночами спать перестал!

Я сумку на плечо закинула и направилась по дорожке в сторону остановки общественного транспорта. Всеми силами старалась сдерживаться и шаг не ускорять, хотя сердце колотилось, как сумасшедшее в этот момент. Оглянулась только когда отошла на почтительное расстояние и бросила через плечо быстрый взгляд. Филин так и сидел на скамейке, в расслабленной позе, руки на спинке, ногу на ногу закинул, а перед ним охранник стоит, и они довольно весело переговариваются. Я даже руки в кулаки сжала. Ясно же, что меня обсуждают. Сволочи. И смеются.

Забрать домой цветы, я даже не подумала, зачем мне проблемы с мужем? Они красовались в вазе на журнальном столике в Лёвушкиной приёмной и служили для сотрудников лишним поводом меня пообсуждать. Но меня это совсем не трогало, если честно. В офис я сегодня вернулась без настроения и до конца рабочего дня самым бессовестным образом раскладывала пасьянс, не обращая ни на кого внимания. И лицо у меня, видимо, было такое недовольное, что даже Лёва поостерёгся делать мне замечания. Я щёлкала мышкой, перетаскивала карты из стопки в стопку и думала о том, почему же я такая дура. Ведь дура же, и с собой не поспоришь по этому поводу. Зачем я туда пошла, спрашивается? И на лавочке столько времени сидела, выжидая непонятно чего. В итоге дождалась. Этот Филин наверняка решил, что я за ним охотилась.

А разве нет? Меня ведь туда тянуло со страшной силой.

Я компьютер выключила, и устало потёрла переносицу.

– О чём ты думаешь постоянно? – подивился Витя. – Молчишь и молчишь.

Я только плечами пожала, не зная, что ему ответить.

Выходные мы проводили за городом, на даче его друга, в тишине. Компания подобралась на редкость спокойная, что с одной стороны, меня устраивало, а вот с другой, не давало забыть о смущавшем меня происшествии.

Муж ко мне подошёл и обнял, ткнулся подбородком в мою макушку.

– О поездке думаешь?

– Да нет, – отмахнулась я, а он мне не поверил.

– Ника, не обижайся на меня, но ты же уедешь не на один месяц возможно. А я?

Я голову закинула, чтобы посмотреть на него.

– Что ты?

Витя улыбнулся.

– Скучать буду. Я сойду с ума.

Я фыркнула.

– Не выдумывай.

– Я не выдумываю, – активно запротестовал он. – Как я без тебя столько времени?

Я улыбнулась и за шею его обняла, когда Витька ко мне наклонился, чтобы поцеловать.

– Хорошо, я не поеду, – в конце концов, решила я и к мужу прижалась. – Не поеду.

– Умница моя, – проговорил он, довольный улыбнувшись.

Из-за угла дома выглянул Мишка Романов, хозяин дачи, и рукой нам махнул.

– Шашлыки готовы! Идите.

Витя мне руку подал и помог из гамака выбраться. Поцеловал в висок и шепнул:

– У меня самая лучшая жена на свете.

Я подумала, и решила согласиться.

Не знаю, что именно так подействовало на моего мужа, возможно, моя покладистость, но он с меня весь вечер глаз не сводил, весь словно светился изнутри, как когда-то, и это не только я заметила, что послужило отдельным поводом для шуточек за столом. А я смущалась, как невеста, и за руку мужа держала, жалась к нему, от чего тот заметно млел. То есть, не только от этого, ещё и алкоголь ему голову кружил, но в итоге ночь у нас получилась, что надо. Так сказать, муж меня приятно удивил, чем заслужил утренний кофе в постель и поцелуй, и я даже бровью не повела, наблюдая его несчастную с похмелья физиономию.

А вот с понедельника всё и началось. Не успела я прийти в офис и своё рабочее место занять, как из кабинета выскочил Лёвушка (это ведь ничего, что я позже начальника на работу прихожу, правда? Иногда можно) и потребовал:

– Зайди ко мне.

Я по сторонам огляделась, в надежде, что он не ко мне обращается, но Шильман прикрикнул:

– Ника! – и я нехотя отозвалась:

– Иду.

– Что ты так медленно? – заворчал он, как только я дверь в его кабинет за собой закрыла.

– А тебя кто с утра в понедельник укусил? Я, между прочим, все выходные за городом отдыхала, так что трогать меня сегодня нельзя, я от отдыха отдыхаю.

– Оригинально.

Лёва за свой стол вернулся, принял официальный вид и на меня взглянул по-деловому.

– Есть работа.

Я скривилась.

– Только не говори, что Норманы приезжают.

– Нет. Работа не совсем по профилю твоему, просто надо помочь хорошему знакомому.

Он тебе заплатит.

Я нахмурилась.

– Что-то мне не нравится твой тон.

– Почему? Дело тебе предлагаю. Или тебе деньги не нужны?

– Нужны. – Рукой махнула. – Ладно, говори.

– Да в принципе, как всегда. Встретишь одного француза, с ним прибудет партия вин для нашего ресторана. На встрече поприсутствуешь, будешь переводить. Если он решит задержаться, тебе придётся рядом побыть. И заработаешь кругленькую сумму.

– Прямо-таки кругленькую? – не поверила я. А когда Лёвушка озвучил, приоткрыла рот. – И это всё мне? – решила уточнить я на всякий случай.

Шильман понимающе усмехнулся.

– Всё-всё тебе. А я лишаюсь лучшего работника на несколько дней, но при этом делаю одолжение нужному человеку.

Вот тут я насторожилась.

– Это кому?

Лёва сделал неопределённый жест рукой.

– Ну... Филину.

– Что? – Я даже со стула привстала. – И ты хочешь, чтобы я на него работала? Ты с ума сошёл, Лёва?

– Почему это? – оскорбился он. – Ника, он предлагает хорошие деньги за несложную для тебя работу.

– Да, а ты готов ему меня за эти деньги продать!

– Вот только не надо кидаться громкими словами. Кто тебя продаёт?

– Я не пойду.

– Пойдёшь.

– Не пойду, Лёва. И проблемы дома мне не нужны. Мне Витя чётко сказал: держись от него подальше. Я, знаешь ли, совету мужа последую.

– С чего это вдруг? – хмыкнул Шильман, потом выпрямился и на меня посмотрел серьёзно. – Ник, давай без истерик. Филин пришёл ко мне с просьбой, я обещал, у тебя сейчас всё равно работы нет, а деньги реальные. К тому же... К тому же, таким людям не отказывают.

– Интересно. И что он мне сделает?

– Тебе может и ничего. А вот мне кислород перекрыть очень даже может. Сама знаешь, какая сейчас конкуренция. И что тогда делать будем? Лапу сосать?

Я в стол взглядом упёрлась, потом показательно вздохнула.

– И что мне теперь делать?

– Прекратить выделяться и завтра отправляться к нему.

– А мужу я что скажу? – поинтересовалась я с претензией.

Лёвушка ядовито улыбнулся.

– Ничего. Он даже не узнает ничего, если сама не проболтаешься. Зато шопинг у тебя потом будет королевский.

Я поджала губы.

– Что-то меня это мало успокаивает.

Королевский шопинг... Можно подумать, что Лёвушка Шильман об этом может что-то знать. А уж тем более разбираться в моём к этому отношении. Это ведь я от скуки по магазинам гуляю, и от мужа после получаю частенько нагоняй. А на самом деле, я готова довольствоваться малым. Если потребуется. Если так сложатся обстоятельства, то я готова... ненадолго затянуть пояса, или как там говорят? В общем, переживать с любимым трудности. Но очень надеюсь, что любимый дураком, в итоге, не окажется, и с трудностями постарается справиться побыстрее, потому что иначе... иначе...

Что будет иначе я, если честно, так и не придумала. Наверное, потому, что перед любимым уже было стыдно, хотя я ещё врать ему не начинала, всё было впереди, а стыдно уже было. Всё-таки я слишком порядочный человек. В душе. И совесть у меня податливая, на любые мелочи ведётся. А договариваться с ней я совершенно не умею. Вот и мучаюсь теперь, ужином мужа кормлю и всё добавки подкладываю.

– Хочешь ещё котлетку, Витюш?

Он тарелку от себя отодвинул и на стуле откинулся. Выглядел сытым, и что самое главное, довольным.

– Не хочу. – И не смотря на своё довольство, поинтересовался: – Ты Лёве сказала?

– Что?

– Про поездку, Ника! Ты же мне обещала!

– А что ты кричишь-то? Я сказала.

– Правда?

– Конечно. Или ты думаешь, я вру?

Он губами пожевал, а на меня взглянул весьма красноречиво.

– Нет, конечно. И что он тебе ответил?

– Что у тебя ещё есть время передумать.

– У меня?

Я только руками развела. Но видя, что Витька медленно, но верно закипает, из-за стола поднялась и к мужу подошла. Обняла его.

– Прекрати хмуриться. Я же пообещала, что не поеду. Но Лёву ты тоже знаешь, он... упрямый.

– Я его упрямство знаешь, на что намотаю?

Я рассмеялась и носом ему в шею ткнулась.

– Не говори, пусть это останется тайной.

В общем, я не решилась сообщить мужу ещё и о новой работе, что мне Шильман, по доброте душевной, подкинул, а то тот, потерей упрямства, намотанной на нечто загадочное, не обойдётся, потери будут куда значительнее. Муж у меня не то чтобы ревнивый, но до точки кипения доходит быстро, не заметит и прибьёт Лёву под горячую руку. А мне работу опять ищи.

Но кто-то очень разумный внутри меня, очень глубоко внутри сидящий, советовал к Филину на следующий день не ходить. Про угрызения совести напоминал, а ещё предрекал всяческие проблемы и лишения, я весь вечер изводила себя сомнениями, и даже перед сном, с боку на бок крутясь, о Кирилле Александровиче думала. В смысле, о нашем с ним возможном сотрудничестве, правда, деловые мысли из головы вылетели быстро, я припомнила в деталях нашу последнюю с ним встречу, а вместе с этим разозлилась и разволновалась. Витькину руку с себя убрала и зажмурилась, а сама всё гадала, хватит мне смелости завтра пойти в «Три

пескаря» или нет. С этими мыслями, не найдя ответ ни на один свой вопрос, в конце концов, и уснула.

А утром... В общем, утром мне раздумывать и гадать было некогда, я проспала. Муж ушёл тихо, даже завтрак не потребовал, видимо, тоже опаздывал, в щёку меня клюнул, а я глаза открыла, услышав, что входная дверь хлопнула. Перевернулась на спину, потянулась, натянула на себя одеяло, и опять заснула, не припомнив ни одного срочного дела. А когда проснулась час спустя, поняла, что Лёва меня задушит, если я опоздаю, и Филин останется им недоволен. Как там Лёва говорил? Надавит на него? Вот возьмёт и надавит, а Шильману много не надо, он ведь только с вида такой упитанный здоровячек, а на самом деле очень мнительный, он из-за каждой мелочи нервничает и пугается.

И я нервничаю, поэтому и болтаю без умолку, хоть и про себя. Из такси выбралась и перед дверями «Трёх пескарей» остановилась. Постаралась все мысли, которых в последний час в моей голове наплодилось несчётное количество, выкинуть. Я ведь пришла сюда, я готова встретиться с Кириллом Александровичем, и, кажется, согласиться на работу. Меня ведь Лёва попросил. И сейчас надо сосредоточиться именно на этом. Как я войду, как буду себя вести, что говорить, на что готова согласиться, а на что нет. Нахмурилась. В каком смысле: на что я готова согласиться? Я вообще соглашаться ни на что не буду, на все его гадкие предложения, если они последуют, я отвечу отказом, а потом уйду. А ещё Вите нажалуюсь. Может быть. Чтобы некоторым неповадно было!..

Я как раз вырез декольте на платье вверх подтягивала, когда дверь вдруг распахнулась, и на меня без всякого выражения на лице воззрился тот самый охранник, внушительной комплекции. Взгляд до того бессмысленный, что я даже руку с груди убрать забыла. Моргнула, разглядывая его снизу, чувствовала себя букашкой у его ног, если честно. Он к тому же на ступеньке стоял, а я... внизу где-то.

– Вы к нам или постоять под дверью? – Голос хриплый и мне совершенно не понравился.

– К вам. – Платье поправила, голову повернула и вдруг увидела камеру, направленную прямо на меня. Просто замечательно, стою тут уже минут пять, вся в раздумьях, и охрану развлекаю. Как-то плохо день начинается. – Мне назначена встреча. Кирилл Александрович меня ждёт.

– Вы Ника?

Я очень постаралась сохранить невозмутимость.

– Меня зовут Вероника Арзаус. Кирилл Александрович меня ждёт?

Охранник вдруг улыбнулся, чего я от него, признаться, совсем не ожидала.

– Конечно. Проходите. – И добавил после паузы: – Пожалуйста.

Я вошла в прохладный холл, двери за мной закрылись, а потом ещё и замок лязгнул. Я нервно оглянулась, но охранник лишь вежливо мне улыбнулся. Не думала, что он так умеет.

– Проходите.

Холл был просторный, правда, свет приглушен и оттого помещение казалось немного мрачным. Мои шаги гулко отдавались под высоким потолком, я шла в том направлении, которое мне указали, правда, перед знаменитым аквариумом остановилась, разглядывая трёх рыбок, весьма не маленьких, которые, кажется, дремали на дне аквариума, даже хвостами шевелили едва заметно. У них, видимо, тоже ночью работа, а отсыпаются днём, в полумраке.

В дверях ресторанного зала мне попала девушка в наглаженной униформе и с подносом в руках. Посмотрела на меня с намёком на удивление, и строго поинтересовалась:

– Вы к кому?

– К Кириллу Александровичу, – терпеливо повторила я.

Она не улыбнулась, только рукой махнула.

– Он в баре.

– В баре, – передразнила я, когда она отошла и слышать меня не могла. – Где ему ещё быть?

Раньше мне никогда не приходилось бывать в ресторанах по утрам, когда они были закрыты для посетителей. Никакой яркости, игры света в хрустальных люстрах, свет почти везде выключен и очень тихо, слышны только голоса где-то в отдалении, да и те не слишком воодушевлённые. Я в зал вошла, на столы пустые посмотрела, а повернулась туда, где свет горел, над барной стойкой. Филин, действительно, обнаружился там, сидел на высоком табурете в расслабленной позе, рукава белой рубашки небрежно закатаны, на носу очки, кофе пил и читал газету. Я мысленно хмыкнула, его разглядывая. Хорошая у него работа, почти, как моя. За барной стойкой обнаружился скучающий молодой человек, который лениво протирал бокал полотенцем и время от времени проверял чистоту на свет. Потом меня увидел и заинтересованно вздёрнул подбородок.

– Девушка, вы кого-то ищете?

Кирилл Александрович газету отложил, снял очки и на меня посмотрел. Потом сообщил:

– Меня она ищет, Егор.

Поздороваться со мной и не подумал, а я из вредности очень деловито проговорила:

– Доброе утро.

– Доброе.

Я подошла, на Филина напрямую посмотреть не рискнула, а когда взглянула на бармена, тот тут же предложил:

– Кофе хотите?

– Лучше чай, – попросила я, вспомнив, что на завтрак, даже на чай, у меня времени сегодня не хватило.

– Зелёный? У нас есть жасминовый, ромашковый, из цветков липы...

Я моргнула, потом качнула головой.

– Просто чай, чёрный, без сахара. Можно?

– Конечно.

– Замечательно.

Я не знала, что делать. На Кирилла смотреть боялась, осторожно по сторонам оглядывалась, и злилась, что Филин молчит. Пьёт кофе из крохотной чашечки и меня разглядывает. Я даже порадовалась, что сегодня своё лучшее платье надела, как чувствовала, что нужно выглядеть сногшибательно. Ну, может, не чувствовала, но решила подстраховаться.

– Ты никогда здесь не была? – спросил Филин.

– Нет.

Он усмехнулся.

– Понятно. Тебе по статусу не положено.

– Мой муж говорит, что здесь одни бандиты собираются.

Бармен по имени Егор чашку с чаем передо мной поставил, а сам изумлённо вытаращился, потом кинул на хозяина смятённый взгляд. Тот ему подмигнул, а мне сказал:

– Даже не знаю, что ему возразить.

Чай в меня не лез. Я сделала несколько глотков, и злилась от повисшего молчания. На Кирилла очень хотелось взглянуть, но он заговорил с барменом, обсуждая какие-то насущные дела, и, видимо, ждал, когда я чай допью. Я в чашку заглянула, сделала пару малюсеньких глотков, и вдруг поняла, что меня разглядывают. Глаза скосила в сторону Филина, а тот сразу отвернулся. Мне вдруг смешно стало. Как мальчишка, ей-богу.

Это открытие неожиданно подняло мне настроение, и я даже несколько воодушевилась. Значит, не только я чувствую странное напряжение, повисшее между нами. Интересно, мне пора начинать всерьёз волноваться из-за Кирилла Александровича или ещё подождать?

Я снова оглядела полутёмный зал. На столах скатерти белоснежные, правда, ни столовых приборов, ни цветочков в вазочках сейчас нет, стулья придвинуты к столам. В зал вошла девушка в униформе и принялась снимать с некоторых столов скатерти, я следила за ней взглядом. Потом оглядела стены, увешанные картинами в дорогих рамах. Что ж, приходится признать, что хоть это и засилье бандитов, но они далеко не простаки и вкус у них есть, хотя бы зачатки. Респектабельность и шик точно уважают.

– Нравится?

Я на Кирилла посмотрела, пожала плечами.

– Неплохо. Только количество бронзы я поубавила бы.

– В смысле?

– Рамы на картинах сменила. Что-нибудь попроще нужно. А то, как в музее.

Он хмыкнул, причём не очень проникновенно получилось, скорее уж это была злая усмешка.

– А нужно, как в спальне?

– Нужно так, чтобы было уютнее. Люди ведь сюда отдыхать приходят... наверное. А как отдохнёшь, когда на тебя вон тот дядя с бородой из дорожной рамы смотрит пристально, проверяя, сколько ты за кусок мяса и горстку улиток выложить готов.

Егор сзади странно хрюкнул, но под взглядом хозяина испуганно примолк.

– Я учту, – процедил Филин, а я поняла, что обиделся. На самом деле обиделся. Я посмотрела удивлённо, а Кирилл поднялся, и рукой в сторону указал. – Пройдём в мой кабинет, там поговорим.

Я согласно кивнула и сделала вид, что не заметила, как он невежливо шагнул вперёд, забыв меня пропустить. Пошла за ним следом, через спрятанную за тяжёлой шторой дверь мы вышли в коридор, в котором не было абсолютно ничего интересного, только череда дверей. Филин одну из них толкнул, и я, войдя, зажмурилась от обилия солнечного света, который проникал в комнату через большое французское окно. После полумрака ресторанного зала и коридора, такого я не ожидала.

– Проходи.

Я глаза открыла и осторожно огляделась. Кабинет просторный, правда, мебели не так много. После роскоши ресторана, обстановка скуповатой кажется. Хотя, письменный стол дубовый, дорогой, и диваны кожаные. Два шкафа, до верха забитые какими-то папками с документами, журнальный столик, два фикуса в кадках и... собственно всё. Правда, ещё парочка дверей непонятного назначения. В общем, кроме дубового стола и окна в полстены, меня ничего не впечатлило. Я из любопытства к окну подошла, чтобы вид оценить. Но за ним только двор, который, в основном, использовался для хозяйственных нужд, да купол церкви, которая в нашем городе издавна отдана под планетарий.

– Красиво, – соврала я, а Кирилл Александрович в кресло своё сел, тоже дорогое, и поведал мне суровую правду своей жизни:

– Мне в окна смотреть некогда, работать надо.

Я оценила это по достоинству.

– Правда, всё сами?

– В каком смысле?

– Ну... с рестораном. Вы так обиделись, когда я про картины сказала.

– Я обиделся? – Он приподнял одну бровь и на меня взглянул насмешливо. Но я ему верить не спешила.

– Обиделись, обиделись. Но я ведь ничего такого в виду не имела. Просто... замечание. Вам не нужно.

Кирилл меня разглядывал. Мне даже показалось, что был в его внимании ко мне какой-то скрытый умысел, но он достаточно быстро всю заинтересованность со своего лица стёр, и даже смотреть на меня перестал.

– О деле поговорим? У меня времени не очень много.

Я согласна кивнула, а когда он указал на второе кресло за своим столом, спорить не стала и села.

– Шильман тебе рассказал, что мне нужно?

– В общих чертах. Но, как понимаю, всё, как всегда? Встретить, показать город, развлечь, сопроводить на пару ужинов. Так?

– В какой-то мере. Это всё тоже, но мне ещё нужен полноценный переводчик. То есть, ты рядом и переводишь, я французский не знаю. А он настолько отвратительно говорит по-английски, что слушать невозможно, и вряд ли сам понимает, что хочет сказать.

Я решила проявить должное любопытство.

– А вы по-английски говорите?

Кирилл голову поднял, мы встретились взглядами, и мне враз стало неуютно.

– По-английски я говорю. И меня даже понимают.

– Здорово, – пробормотала я, но глаза опустила.

– А ты по-французски говоришь хорошо?

Я удивлённо посмотрела.

– В смысле?

– На самом деле говоришь? Мне проблемы не нужны.

Я возмутилась.

– Я три языка знаю в совершенстве! Или хотите мне экзамен устроить?

Он вскинул вверх руки.

– Ну что ты. К тому же, я всё равно ничего не пойму. – Кирилл вдруг рассмеялся, а я замерла, его разглядывая. – Просто интересуюсь. Неприятности лучше предотвратить, чем их потом расхлёбывать.

– А могу я спросить? Чтобы впросак потом не попасть?

Он кивнул.

– Он ведь не просто курьер?

– Курьер?

– Лёва говорил, что он везёт партию вина для ресторана. Значит, курьер?

– Нет, он винодел. А лично он приезжает по моему приглашению, ему любопытно побывать в России.

– Ясно. – Я на кресле откинулась и по привычке закинула ногу на ногу. Призадумалась. – План экскурсий я могу сама составить? Или у вас определённый график? Сколько дней он в городе пробудет?

Кирилл вдруг прищурился, меня разглядывая.

– Точно не знаю. Возможно, дней пять. Первые два дня оставь мне, а остальные твои. Устрой этому французику экскурсию по полной программе.

– Хорошо. И ещё вопрос...

Филин усмехнулся.

– Денежный?

– Почти. Мне здесь часто придётся бывать?

– Здесь – это где? – Он откровенно издевался.

– В ресторане.

– А в чём дело? Не понравились не только картины?

Я села ровно.

– Не в этом дело. Просто не хочу, чтобы меня здесь видели.

– Так значит, мужу ты не сказала?

– Вас это не касается.

– Ну, – он развёл руками, – чем-то придётся пожертвовать. Я тебе очень хорошо плачу, чтобы ещё и на уступки тебе идти. – Ухмыльнулся. – Готова проститься со своей репутацией?

Я хмуро за ним наблюдала, понимая, что, по всей видимости, в данный момент проблем себе наживаю немереное количество.

– Репутацией? Да у меня её и не было никогда. Мне было лет семнадцать, когда она окончательно сделала мне ручкой и скрылась в неизвестном направлении. – Натянута улыбаившись призадумавшемуся Филину, я поднялась. – В общем, на работу я согласна. Когда он приезжает?

– В следующий вторник мы встречаем его в Шереметьево.

Вот тут я несколько подрастерялась.

– Мы встречаем?

Кирилл кивнул.

– Конечно. Или ты думаешь, что до того момента, как я довезу его до своего ресторана, я с ним жестаи объясняться буду?

Вот правильно говорят: не хочешь влипнуть из-за вранья, не ври. Это проще всего. А я вот теперь стою и соображаю, что я мужу скажу, в попытке объяснить свою поездку в столицу.

– Ника.

Когда Кирилл меня по имени назвал, я вдруг голову вскинула, как птица перепуганная, и на него уставилась в растерянности.

– Ника, всё в порядке?

Три часа с ним в одной машине. Я же с ума сойду.

Кивнула.

– Конечно. Я оставляю вам свой номер, вы позвоните... ближе к делу.

Снова к столу шагнула, а Кирилл меня остановил.

– У меня есть твой номер.

Гадкий Шильман.

– Замечательно, – вышло немного язвительно, Филин иронию в моём голосе уловил, и раз улыббался.

– Я тоже так думаю.

И всё равно, в нашей встрече, разговоре было что-то странное. Я когда из кабинета его вышла, снова оказалась в полумраке, то даже задохнулась. В голове туман и стены на меня давят, ещё чуть-чуть, и совсем сожмутся и раздавят меня. А я, наверное, даже не пойму, что произошло. Не такого я ждала.

Прошла через зал, теперь даже бармена Егора видно не было, и везде темнота (электро-энергию, что ли, экономят?), двойные двери осторожно приоткрыла и в холл выскользнула, а тут из-за угла, как гром среди ясного неба:

– Я вызову вам такси.

Я охнула, медленно повернулась, и взглядом упёрлась в узел чёрного галстука. В самый раз было без чувств рухнуть, потому что колени затряслись.

– Я чуть не умерла от страха, – зловещим шёпотом проговорила я, закинув голову, чтобы видеть лицо охранника. – У меня инфаркт!

Он разглядывал меня, как слабоумную, ей-богу.

– Тогда я точно вызову такси.

– Не надо мне такси, я не просила. Только больше ко мне так не подкрадывайтесь!

Парень безразлично пожал плечами. Ему вообще, как мне показалось, многое по жизни было безразлично. Смотрел на всех и вся с высоты своего роста и мало что для себя привлека-

тельного видел. И я ему тоже не нравилась. Почему-то я была в этом уверена. А ещё он смеялся надо мной тогда, на пару с Кириллом.

Два сапога – пара!

Думай, о шопинге, посоветовала я себе, прежде чем покинуть ресторан и выйти на свет Божий. О шопинге... А ещё лучше, о деньгах. Это звучит куда внушительнее.

Оказавшись на крыльце, я для начала огляделась, как заправский шпион. Не притаился ли за каким деревом мой муж. С него ведь станется. Но всё было спокойно, деревья шумели, солнце светило, а на небе ни одного облачка, что, после мрака «бандитского логова», казалось немного странным. Никакого тебе триллера. По крайней мере, пока.

Недолго думая, я устроилась всё на той же скамейке напротив входа в ресторан, теперь уверенная, что охрана, через свои камеры, наверняка, кругом понатыканные, не только у входа, точно меня видит. Я размышляла над этим секунд десять, но потом пришла к выводу, что в этом ничего страшного нет, то есть, в том, что я посижу здесь. Не мешаю ведь, и шпионить не собираюсь, просто отдыхаю. Правда, глазами вокруг шарила, даже по стволам деревьям, пытаюсь камеры разглядеть, но так в этом и не преуспела. Достала из сумочки зеркальце, на себя полюбовалась, а потом решила Лёве сообщить, что на работу не приду. Он ведь сам сказал, что эти дни я на Филина работаю, а тот мне до вторника отпуск дал. Вот это всё я Шильману и сообщила, как только тот пожелал мне ответить. Произошло это, между прочим, только со второй моей попытки ему дозвониться. Лёва меня выслушал, а потом сказал, что я нахалка.

Я решила возмутиться.

– Я, между прочим, своим браком рискую, чтобы тебе одолжение сделать, а ты мне такие вещи говоришь?

– Ой, да ладно.

– Я серьёзно говорю. Я даже подумать боюсь, что Витька сделает, если узнает.

– А деньги всегда достаются с большим трудом, Никуля, – завёл он, – так что терпи.

– А я что делаю? Хотя, знаешь, – решила я ему пожаловаться, – Филин твой мне совсем не нравится. Глаз у него какой-то нехороший.

– Вот и отлично. Он и не должен тебе нравиться. Меньше проблем. И если он вздумает за тобой приударить, держи себя в руках, я тебя прощу.

– В каком смысле, в руках держи? Лёва, ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Ты серьёз думаешь, что мне может понравиться такой тип, как Филин? Для этого нужно быть сумасшедшей.

– Да. Или женщиной, – брякнул Лёва, и прежде чем я успела сообразить, что он мне гадость сказал, торопливо попрощался и отключился. А я осталась сидеть, в возмущении на замолчавший телефон глядя.

– Вот ведь, – пробормотала я.

Вот так и получается, что чем дольше живёшь, тем сильнее понимание того, что жизнь устроена несправедливо. Даже Лёва Шильман, который без меня никуда, которому я даже в личной жизни советы даю, и с большинством клиентов сама общаюсь, и тот меня дурой считает. А всё из-за чего? Из-за того, что в минуту слабости, не сдержала эмоций, и проявила любопытство относительно мужчины, моего внимания не заслуживающего. Он мне цветы подарил, а Шильман решил, что для меня этого достаточно. Обидно.

Но мне на самом деле лучше держаться от Филина подальше. Не нравятся мне его взгляды, намёки, любопытство его. Если бы было можно, я бы и за работу эту не взялась, если бы у меня выбор был. И без денег этих обошлась. Но ведь Лёва меня в могилу потом сведёт упрёками, а если Кирилл Александрович окажется человеком мстительным и малопонятливым, я сама себя съем, за то, что была не в состоянии немного потерпеть. Всего лишь несколько дней. Что они значат? И что за несколько дней может случиться? В конце концов, я не поло-

умная, чтобы бросаться на шею мужчине, даже если он мне сильно понравился (а к Филину это никакого отношения не имеет). Я себе цену знаю, и ниже планку никогда не опущу, иначе себя уважать перестану. Поэтому и волноваться нечего. Человек я разумный, и всю опасность подобного сотрудничества, да и просто близкого общения, понимаю. Я всегда умела находить выход даже из самых щекотливых ситуаций, так из-за чего в этот раз переживаю? Всё будет нормально. Я всем вокруг могу не доверять, но себе я верю всегда.

Это в первый момент Филин меня с толку сбил. Появился, нахамил в глаза, отшлифовал всё это белозубой улыбкой, и я, на какое-то короткое время, растерялась. Хотя, догадывалась, что это были стандартные штучки из его арсенала оболыщения. Compliments, цветы, намёки на что-то большее. А вот сегодня, посмотрев на него в обычной для него обстановке, поняла, что он не ловкач, как его Витька назвал, Кирилл Александрович большой хитрец, при этом, очень тщательно это скрывает. Хочет показать, что он рубаха-парень, улыбается, хохмит, ручки нацеловывает, а на самом деле себе на уме. И что-то в его взглядах, обращённых ко мне, меня задевает. Будоражит порой, это одно, а вот тревожит совсем другое. Он умеет ухаживать за женщинами, в глаза им смотреть и улыбаться, комплименты говорить и при этом почти не врать, а только правду, завуалированную, но правду, и я, признаться, тоже на его удочку попала в первый момент, а потом углядела в глубине его смешливых глаз опасность, именно для себя. И пока меня это отрезвляет в значительной доле. Не хочется остаться в дураках. А уж тем более, когда знаешь, что тебя к этому медленно, но верно подводят. А ты догадываешься об обмане, но на все уловки поддаёшься. Я всегда этого боялась, попасть в зависимость, делать шаг вперёд не потому, что мне это нужно, а чувствуя толчок в спину, и всё равно шагать, возможно, в пропасть. Некоторые говорят, что это и есть любовь – доверять человеку безоговорочно. А вот я доверять не могу, я всегда жду подвоха, лжи, опасности. Но зато я всегда морально готова к этому, могу отвести от себя беду, даже удар отразить, мне так легче и проще живётся. А просто верить... Нет, к такому я не готова, я не настолько рискованный человек. Если честно, я даже в детстве не любила на американских горках кататься, а уж приносить сей опыт в свою жизнь, Боже упаси. Я всё вижу и всё понимаю, в состоянии оценить и предвидеть. А доверяют и любят пусть другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.